

ПЕСНЯ ГРАНИЦЫ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Песня границы

<https://litres.ru/74422368>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лада Межевая с детства поёт в пограничном хоре, удерживающем два несовместимых мира от столкновения. Её голос принадлежит городу — так учили старейшины, так записано в клятве, так будто бы требует сама граница.

Но однажды из-за рубежа отвечает незнакомая женщина. Для её мира спасительная Песня звучит как осада. Вместе с инженером тишины Севером Радичем Лада обнаруживает: хор держится на записанных голосах умерших, унаследованных обязанностях и отказах, которых никто не пожелал услышать. Чтобы спасти оба мира, ей придётся разомкнуть идеальное созвучие и создать порядок, в котором человек вправе петь, спорить — или молчать.

А ещё понять, возможна ли любовь, если не отдавать другому свой голос и не требовать от него спасительной тишины.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Голос на рассвете	5
Глава 2. Город, где не поют	15
Глава 3. Право на паузу	28
Глава 4. Три шага и пропасть	38
Глава 5. Младшая партия	51
Глава 6. Ответ с той стороны	67
Глава 7. Камертон тишины	84
Глава 8. Партитура без имён	106
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Мара Светланова

Песня границы

От автора

Есть обязанности, которые кажутся естественными лишь потому, что их слишком долго выполнял один и тот же человек. Эта история — о голосе, превращённом в общественный ресурс, о цене удобного единогласия и о праве на паузу.

«Песня границы» — роман о людях, которым предстоит научиться не только звучать вместе, но и различать друг друга. Здесь молчание не означает слабость, согласие нельзя выдать навсегда, а близость начинается там, где никто не говорит за другого.

Лучше всего читать эту книгу как путь от обязательной песни к добровольному многоголосию. У каждой партии будет своя правда, предел и цена; окончательное решение родится не из идеального созвучия, а из способности выдерживать различие.

Глава 1. Голос на рассвете

Граница всегда вступала на третьем вдохе.

Первый принадлежал мне. Я набирала холодный воздух медленно, чтобы он успел согреться под рёбрами. Второй брали восемнадцать певиц на уступах за моей спиной. А на третьем просыпался камень: от чёрных плит под ногами поднимался низкий гул, похожий на далёкий гром, и восточный рубеж вспоминал, где заканчивается наш мир.

В то утро камень вступил раньше.

Я ещё держала ладонь раскрытой, не дав знака младшей партии, когда под подошвами прошла дрожь. Над равниной лежала предрассветная серость. Справа тянулись огни Межевого Посада, слева за прозрачной стеной рубежа колыхалась трава другого мира — белая, высокая, всегда склонённая против нашего ветра.

— Не подхватывать, — сказала я.

Голос прозвучал ровно. Этому меня учили дольше, чем пению: страх ведущей хор умножает быстрее любой ноты.

Орина, стоявшая на первом уступе, уже раскрыла рот. Услышав приказ, она выдохнула без звука и коснулась двумя пальцами горла. Знак принят. Остальные повторили его, одна за другой. Ни шороха одежды, ни кашля. Хороший хор умел молчать по команде.

Плохой — только по команде.

Эта мысль пришла некстати, и я отложила её туда же, куда складывала всё, что нельзя обдумывать у рубежа: под болью, за дыханием, до конца смены.

Гул в плитах поднялся ещё на полтона. Я опустилась на колено и приложила ладонь к камню. Холод пробил кожу, затем запястье. Обычно в общем звуке можно было различить слои: древнее основание рубежа, вчерашнюю поправку западного хора, тонкие голоса дозорных башен. Сегодня между ними звучало что-то ещё.

Не нота. Чей-то вдох.

Я резко убрала руку.

— Ведущая? — шёпотом позвала Орина.

— Я сказала не подхватывать.

— Я и не пою.

Она была права. Слово осталось словом, не получило высоты и не могло войти в плетение. И всё же я посмотрела на неё строже, чем следовало. Девятнадцать лет, первая самостоятельная весна на рубеже, слишком тонкая шея над медной застёжкой плаща. Вчера совет старших подтвердил за ней материнскую партию. Орина не присутствовала при решении.

Я присутствовала и промолчала.

Из камня снова донёсся вдох.

На этот раз за ним возник голос.

Женщина пела без слов. Низко, на границе слышимости, будто стояла не по ту сторону прозрачной стены, а у меня

за плечом. Её звук не совпадал с нашим основным тоном и всё же не спорил с ним. Он огибал знакомую ноту, оставляя между колебаниями узкий проход.

Белая трава за рубежом выпрямилась.

— Лада, — сказала Вея с последнего уступа. — У тебя кровь.

Тёплая капля дошла до губы. Я вытерла её тыльной стороной ладони и увидела красную полосу. Цена пришла до песни. Такого не бывало даже во время зимнего разлома.

— Снять верхние партии, — приказала я. — По двое к западной лестнице. Без разговоров до нижней площадки. Вея, води.

— А ты?

— Проверю основной тон.

Вея не двинулась. Ей было сорок шесть, и последние двадцать лет всякий начальственный тон разбивался о неё, как кружка о мостовую.

— Проверишь одна то, для чего поставили девятнадцать человек?

— Если это обратный удар, мне нужно знать, чей голос он выбрал.

— Он уже выбрал, — сказала она, глядя на кровь у меня под носом.

За её спиной певицы ждали. Я видела, как Орина переводит взгляд с меня на Вею. Сейчас она училась не музыке. Она училась тому, кто имеет право возражать ведущей и чем

за это платят.

— Хорошо, — сказала я. — Вера остаётся наблюдателем. Остальные вниз.

Напряжение отпустило хор почти беззвучно. Певицы начали спускаться, сохраняя расстояние между парами. Орина задержалась.

— Тебя это тоже касается.

— Моя мать никогда не уходила первой.

— Поэтому ты должна повторять все её ошибки?

Щёки Орины вспыхнули. Я пожалела о словах сразу, но возвращать их было поздно. На рубеже обещание, приказ и отречение запоминались одинаково хорошо.

— Иди, — мягче сказала я. — Это мой выбор, не твоя очередь наследовать его.

Она коснулась горла и ушла. Не знак согласия — знак того, что услышала. Разницу я преподавала сама.

Когда на уступе остались только мы с Веей, чужой голос сделался яснее. Он провёл длинную восходящую линию, остановился перед нашим основным тоном и отступил. В паузе прозрачная стена дрогнула.

С неба упала капля дождя.

Она ударилась о чёрную плиту между моих колен. Слишком тяжёлая, почти серебряная. Наше небо оставалось сухим; на востоке не было ни одного облака. Зато за рубежом над белой травой собиралась тёмная гряда.

Вторая капля прошла сквозь стену. Третья.

— Не трогай, — предупредила Вея.

Я уже протянула руку.

Вода легла на палец холодным шариком и не растеклась. Внутри неё отражалось чужое небо — фиолетовое, с двумя бледными лунами, хотя за рубежом я по-прежнему видела облака рассвета. Потом шарик лопнул. Кожу обожгло запахом мокрой полыни.

Вея выругалась и вытащила из сумки белую ленту.

— Палец.

— Это не ожог.

— Палец, Лада.

Я подчинилась. Она обмотала мне кисть, не касаясь воды голой кожей, и затянула узел зубами.

— В мою ведомость это пойдёт как телесная цена до начала службы, — сказала она. — Совет опять объявит, что ты устала.

— Я устала.

— Усталость не пахнет растением, которого здесь нет.

Чужая певица повторила линию. Теперь я расслышала в ней вопрос — не смысл, не слово, а музыкальное ожидание ответа. Рубеж не рвался. Он слушал.

По уставу я должна была немедленно поднять тревогу и начать полную Песню. Восемнадцать голосов сомкнули бы стену, дозорные башни добавили медь, а город проснулся бы от знакомого гула, успокоенный тем, что опасность опять заперта снаружи.

Но дождь пришёл к нам только после того, как чужой голос оставил паузу.

Я прижала большой палец к основанию указательного — знак личной партии, не приказ хору. Вея заметила.

— Не смей отвечать одна.

— Я не отвечу. Только обозначу присутствие.

— Так говорили все, чьи голоса потом записывали в камень.

Я посмотрела на неё. Вея не отступила.

— Если я подниму хор, мы можем заглушить свидетельство.

— А если споёшь сама, совет скажет, что свидетельство твоё.

Она опять была права, и от этого хотелось спорить сильнее. Я закрыла глаза, удерживая воздух. Вдох принадлежал мне. Пока я не придала ему высоту, рубеж не мог присвоить его.

Тогда чужая женщина перестала петь.

Тишина ударила сильнее звука. Камень под нами просел на толщину пальца. В прозрачной стене открылась узкая вертикальная щель, и сквозь неё хлынул дождь.

— Вея, к колоколу!

Она побежала. Я развернулась к лестнице и подняла обе руки. Внизу певицы ещё не успели уйти с площадки. Орина увидела знак сбора первой.

— Основной тон! — крикнула я. — Только основной, без

верхних!

Восемнадцать женщин вдохнули не одновременно — со страхом, сбивчиво, по-человечески. Я дала им один такт на выравнивание и вступила.

Звук прошёл через грудь, как нагретая проволока. Моя партия легла в камень. За ней вошла Вея — ниже обычно-го, потому что бежала. Орина подхватила основу и удержала её, пока остальные искали опору. Рубеж засветился изнутри мутным синим.

Щель не закрылась.

Дождь бил мне в лицо. Каждая капля несла отдельный запах: полынь, железо, яблочная кожура, дым. Чужой мир проходил к нам не войском, а подробностями.

Я подняла ладонь, требуя усилить звук, и тут внутри хора снова услышала незнакомую женщину.

Теперь она пела вместе с нами.

Не вторгалась, не ломала партию. Она нашла свободный промежуток между голосом Орины и моим и держала его так точно, словно всю жизнь стояла на нашем уступе. Камень отозвался ей прежде, чем мне.

По рядам прошёл испуг. Кто-то повысил тон. Стена выгнулась в нашу сторону.

— Слушать меня! — приказала я между фразами. — Не её. Себя рядом с ней!

Это было нарушение всех правил ведущей. Нас учили сводить различия, стирать дрожь, делать хор одним голосом. Но

единый голос сейчас давил на щель, а чужая партия показывала, куда уходит давление.

Я ослабила собственный тон.

Орина ахнула, однако не выпала. Вея перестроилась вслед за мной. Потом ещё одна певица позволила своей ноте стать отдельной. Ещё одна. Вместо стены возникло плетение — неровное, полное просветов.

Дождь перестал.

Щель осталась, но больше не росла. За ней белая трава клонилась уже по ветру нашего мира. На одно короткое мгновение я увидела среди стеблей женскую фигуру. Она стояла далеко, в тёмной одежде, подняв руку тем же знаком личной партии.

Потом прозрачность сгустилась, и женщина исчезла.

Я оборвала песню знаком паузы. На этот раз хор замолчал не вполне вместе. Последней осталась Орина; её чистая низкая нота держалась ещё один удар сердца, прежде чем она отпустила её сама.

Камень не наказал нас. Не раскололся, не забрал дыхание. Просто остыл.

На площадке пахло дождём из места, которого не должно было касаться наше утро.

— Все вниз, — сказала я. Голос оказался хриплым. — Вея осмотрит каждую. Никому не расходиться до записи свидетельств.

— А щель? — спросила одна из старших певиц.

— Мы её не закрыли.

Я ожидала ропота, но женщины молчали. Возможно, потому что впервые услышали, как много разных голосов помещается в защите, если ни один не объявлять единственным.

Орина подошла ко мне, бледная и злая.

— Вы знали, что так можно?

— Нет.

— Но приказали нам слушать себя.

— Потому что я больше не понимала, кого вы должны слушать вместо себя.

Она обдумала ответ и кивнула — не мне, а какой-то мысли, которую собиралась сохранить.

С западной башни ударил служебный колокол: один, два, три коротких звона. Не тревога. Вызов ведущей.

По лестнице поднимался посыльный совета. В руке он держал серый футляр с печатью Архива мер. Такие приносили, когда показания требовалось забрать раньше, чем свидетель успеет договориться с собственной памятью.

Посыльный остановился в двух шагах и поклонился.

— Лада Межевая, вам предписано явиться в зал разбора до полудня. Прибыл специалист из Негласного города.

— По дождю?

— По тишине.

Он протянул футляр. Печать была свежей, но приказ внутри датировали вчерашним вечером.

Совет вызвал инженера до того, как рубеж запел чужим голосом.

Я посмотрела на тонкую щель в прозрачной стене. На чёрной плите лежала единственная серебряная капля, которую утреннее солнце не могло высушить.

Кто-то заранее знал, что сегодня нам понадобится человек, умеющий заставлять песни замолчать.

Глава 2. Город, где не поют

К полудню чужая вода так и не высохла.

Вея накрыла серебряную каплю стеклянным колпаком, обвела мелом плиту и поставила рядом табличку: «Не трогать. Не петь. Не считать безопасным». Последняя строка предназначалась совету. Первые две — всем остальным.

— Если они заберут образец без меня, — сказала она, затягивая ремни сумки, — я зайду в зал разбора и буду кашлять, пока заседание не кончится.

— Ты и так туда идёшь.

— Тогда кашлять буду громче.

На нижней площадке певицы ждали осмотра. Орина сидела отдельно, сжимая кружку обеими руками. Её последняя нота всё ещё отзывалась у меня под рёбрами — ровная, удержанная без приказа. Я хотела сказать ей, что она справилась. Но похвала ведущей после того, как совет без спроса отдал ей материнское место, могла прозвучать как ещё одна печать.

— Запиши всё, что помнишь, — сказала я. — Особенно то, что не совпадёт с моими показаниями.

— Совет любит несовпадения?

— Нет. Поэтому они полезны.

Она подняла глаза. В них впервые за утро мелькнуло почти прежнее упрямое веселье.

— А если я напишу, что вы ослабили партию первой?

— Напиши время и что произошло после.

— И что приказ вызова был вчерашний?

— Это я напишу сама.

Мы расстались у лестницы. До зала разбора было пятнадцать минут пешком, но город после утреннего сбоя перестал быть привычным расстоянием. На каждом перекрёстке люди пробовали голосом воздух: торговка протяжно выкрикала груши, двое каменщиков переговаривались через улицу, ребёнок у водосборника снова и снова повторял своё имя. Все проверяли, принадлежат ли им ещё собственные звуки.

Над крышами тянулись медные струны дозорной сети. Обычно они отзывались на шаги ведущей мягким гудением. Теперь молчали. Зато из водостоков пахло мокрой пылью.

— Дождь дошёл сюда, — сказала я.

Вея провела пальцем по сухому желобу и понюхала перчатку.

— Запах дошёл. Это хуже. Воду можно собрать, а запах убедит половину города, что им всё почудилось.

Зал разбора занимал круглое здание без окон. Когда-то здесь хранили запасные резонаторы, потом совет понял, что стены, не выпускающие звук, удобны для свидетельств. У входа нас попросили оставить металлические застёжки и всё, что могло звенеть. У Вей забрали ложки, три склянки и связку ключей. У меня — медную заколку ведущей.

— Голос тоже сдать? — спросила я привратника.

Он сделал вид, что не услышал.

Внутри уже сидели семеро старейшин. Их места полукругом поднимались над пустым центром. Председательница Рада Крайняя не предложила нам стульев. Перед ней лежал серый футляр с приказом, а рядом — закрытая доска протокола.

Незнакомец стоял у дальней стены и касался её коротким серебристым стержнем. После каждого прикосновения он ждал, чуть склонив голову, затем делал запись в узкой книжке. Высокий, сухощавый, в тёмном дорожном сюртуке без знаков дома или ведомства. Волосы на висках были почти белыми, хотя лицо казалось моложе. На полу вокруг него лежали шесть стержней разной длины, каждый на отдельной полосе войлока.

— Инженер Радич, — сказала Рада. — Ведущая прибыла.

Незнакомец коснулся стены в последний раз. Ни звона, ни гула я не услышала, но воздух на миг стал пустым, будто из него вынули комнату.

Он обернулся.

— Лада Межевая?

— Север Радич?

— Да.

Он не поклонился и не протянул руку. Просто посмотрел на моё перевязанное запястье, на след крови у манжеты, затем мне в лицо. Осмотр получился слишком точным, чтобы

счесть его невежливостью, и слишком долгим, чтобы назвать случайным.

— Вы слышите остаточную партию, — сказал он.

Это прозвучало не вопросом.

— Вы не слышите ничего, — ответила я.

Один уголок его рта дрогнул.

— Верно. Я измеряю то, чего не слышу.

Рада постучала ногтем по столу.

— Знакомство состоялось. Ведущая, изложите события с первого отклонения.

— Сначала откройте протокол.

— Доска записывает.

— Я не вижу строки согласия свидетеля.

На гладкой поверхности доски не светилося ни одного знака. Рада выдержала паузу, затем провела ладонью по краю. Проявилась первая строка: «Лада Межевая даёт показания добровольно».

— Теперь видите.

— Теперь вижу ложь. Я явилась по предписанию.

Вея кашлянула. Очень выразительно.

Север Радич опустил на корточки и начал убирать стержни в плоский ящик. Казалось, спор его не касается, но перед тем как закрыть крышку, он сказал:

— Принудительно полученный голос искажает частоту воспоминания. Для измерений такие показания непригодны.

Рада повернулась к нему.

— Вы наняты измерять рубеж, а не наш порядок.

— Ваш порядок уже вошёл в рубеж. Иначе меня не вызвали бы вчера.

В зале стало так тихо, что я слышала собственный пульс. Совет знал, что я прочла дату, но не ожидал, что приезжий назовёт её сам.

Рада стёрла строку и написала другую: «Лада Межевая предупреждена о праве дополнить показания и указать несогласие с записью».

— Достаточно? — спросила она.

— Для начала.

Я рассказала всё: ранний гул, чужой вдох, серебряный дождь, щель, женскую фигуру и отдельные партии. Не скрыла, что ослабила собственный тон вопреки уставу. Не назвала это ошибкой. Вея сообщила о крови, ожоге без повреждения кожи и запахах. Когда она сказала, что Орина удержала основной тон самостоятельно, двое старейшин переглянулись.

— Ученица действовала без команды? — спросил хранитель партий.

— Она завершила уже начатое действие по собственной оценке, — ответила я.

— Это и означает без команды.

— Нет. Это означает с ответственностью.

Север поднял голову от книжки.

— Во сколько началась отдельная партия ученицы?

— Она не начиналась отдельно. Стала различимой, когда я ослабила свою.

— То есть связь удержалась не за счёт совпадения?

— За счёт различия в общем рисунке.

Он задал ещё восемь вопросов. Не о красоте голоса, не о чистоте тона и даже не о чужой певице. Его интересовали интервалы: сколько длилась пауза, кто вступил по приказу, кто перестроился после наблюдения, менялась ли боль, когда партии расходились. Он обращался ко мне как к мастеру, чьи решения можно проверить, но нельзя заранее объявить суеверием. Это располагало сильнее, чем мне хотелось.

— Вы закончили? — спросила Рада.

— Нет, — сказал Север. — Мне нужно остановить хор.

Семеро старейшин заговорили одновременно.

— На рассветный цикл, — продолжил он, не повышая голоса. — Полная тишина на восточном уступе. Иначе я измерю хор, а не границу.

— Без Песни рубеж откроется, — сказала я.

— Вы не знаете, что он сделает без Песни. Вы никогда не оставляли его без неё достаточно долго, чтобы измерить.

— Зимой мы потеряли башню за три пропущенных такта.

— Пропущенных внутри начатого плетения. Это не тишина, а обрыв нагрузки.

Я шагнула в центр зала.

— Для вас разница помещается в книжке. Для нас — в числе домов у восточной дороги.

Он закрыл книжку.

— Я вырос в Негласном городе, ведущая. Там не запрещено петь, как вы, вероятно, думаете. Там нельзя заставить звук выполнять работу без согласия тех, кто его слышит. Мы пережили год, когда колокола управляли снами, а мастера называли это защитой. Поэтому я понимаю разницу между осторожностью и привычкой бояться паузы.

Слова были спокойными, но за ними стояло что-то выжженное. Не исповедь — обозначенная граница. Я почувствовала укол стыда за собственную догадку о городе и тут же рассердилась: он просил риска у других и прикрывал просьбу личной правотой.

— А если ваша тишина разрушит рубеж?

— Тогда я буду стоять на уступе рядом с вами.

— Ваше присутствие не вернёт погибших.

— Как и ваша песня.

Вея перестала кашлять.

Север, кажется, понял, куда ударил. Он не отвёл взгляда и не стал смягчать сказанное.

— Простите, — произнёс он. — Это было верно по смыслу и недопустимо как довод.

Извинение не требовало, чтобы я простила. Оно просто возвращало мне право не принимать его. От этого злость не исчезла, но изменила форму.

— Одного рассвета не будет, — сказала я. — Начнём с трёх тактов после контрольного вступления. На уступе оста-

нутся наблюдатели и запасная партия вне плетения. Если камень просядет хотя бы на волос, я прекращу опыт.

— Три такта покажут только реакцию на ожидание продолжения.

— Тогда пять.

— Двенадцать.

— Шесть, и между ними никто не пользуется вашими устройствами без моего сигнала.

— Восемь. Мои приборы только разделяют воздействие.

— Ни один прибор «только» ничего не делает.

На этот раз он улыбнулся открыто — быстро и устало.

— Восемь, и вы осматриваете каждый до установки.

— Семь. Полный чертёж остаётся у Веи.

— Согласен.

— Вы оба забыли, — холодно сказала Рада, — что опыты на рубеже утверждает совет.

Я повернулась к полукругу.

— Тогда утверждайте. Или запишите, что совет заранее вызвал инженера, скрыл вызов от ведущей, а после прорыва отказался измерить причину.

По доске протокола побежала светлая трещинка. Слишком много несовместимых формулировок для одного гладкого решения.

Старейшины попросили нас выйти.

В коридоре Север поставил ящик на скамью, но сам остался стоять. Вблизи я заметила у него под ухом ряд бледных

круглых шрамов, словно кто-то прижимал к коже раскалённые монеты.

— Вы всегда начинаете знакомство с требованием остановить чужую работу? — спросила я.

— Только когда работа мешает увидеть неисправность.

— Хор — не помеха.

— Для меня пока и хор, и граница — неизвестные источники воздействия. Если назвать один священным заранее, измерение будет обманом.

— А людей вы тоже называете источниками?

Он задумался прежде, чем ответить.

— Когда говорю с советом — да. Когда с ними самими — стараюсь помнить имена.

Вея вышла следом и сунула ему под нос раскрытую ладонь.

— Чертёж.

— Опыт ещё не утверждён.

— А моё недоверие уже утверждено.

Север достал из внутреннего кармана сложенный лист. Вея развернула его на ящике. Схема камертона напоминала разрезанное надвое ухо: две дуги, между ними подвижная игла, вокруг кольца с обозначениями частот.

— Где источник питания? — спросила она.

— Нет источника. Прибор забирает малую долю колебания, которое разделяет.

— Цену платит певица.

— Или рубеж. Или тот, кто находится с другой стороны. Именно поэтому нужны отдельные показания.

Я наклонилась над листом. От Севера пахло дорожной пылью, сухой мятой и металлом. Он чуть отступил, оставляя мне место, хотя коридор был узким. Маленькое движение, почти незаметное. Я заметила.

На нижнем краю чертежа стояла печать Архива мер и дата месячной давности.

— Вы изготовили устройство до вызова совета.

— Разумеется.

— Для нашей границы?

— Для четырёх мест, где защита стала отвечать чужими голосами.

Вея медленно подняла голову.

— Четырёх?

— Ваш рубеж не первый.

Дверь зала открылась. Привратник пригласил нас вернуться.

На доске протокола светилось решение: семь тактов тишины после контрольного вступления; наблюдатели от хора, лечебницы и Архива мер; приборы — только после совместного осмотра. Совет соглашался слишком легко.

Я прочла до конца и нашла то, что они попытались спрятать в последней строке.

«При угрозе раскрытия ведущая обязана восстановить полную Песнь без ограничения партий».

— Нет, — сказала я.

Рада сцепила пальцы.

— Это условие безопасности.

— Сегодня полная Песнь расширила щель. Раздельные партии остановили дождь.

— Это ваше толкование.

— Это показания девятнадцати женщин.

— Которые ещё не сверены.

Север подошёл к доске. Не касаясь её, прочёл строку дважды.

— При таком условии я не провожу опыт.

— Вы на службе совета, — напомнила Рада.

— По договору Архива мер я могу отказаться, если заказчик заранее предписывает результат. Полная Песнь смешает партии и уничтожит данные.

— Значит, вы оба готовы оставить город без защиты.

Я посмотрела на старейшин. Раньше этот вопрос заставил бы меня оправдываться. Ведущая существовала для ответа «нет»: нет, не оставлю; нет, не замолчу; нет, моя боль не важнее стены. Но утром граница выдержала не потому, что я сделала себя громче.

— Мы готовы проверить, что именно его защищает, — сказала я. — И кому эта защита причиняет вред.

Доска погасла. Рада сняла решение, стёрла последнюю строку и написала вместо неё: «Способ аварийного восстановления определяет ведущая по наблюдаемой реакции ру-

бежа».

Я поставила знак согласия. Север — знак исполнителя. Вея добавила ниже: «Лечебница вправе остановить опыт при телесной цене любого участника». Рада поморщилась, но оставила запись.

Когда мы вышли на улицу, день казался слишком ярким после глухих стен. Над городом снова звенели медные струны. Люди на площади говорили громче обычного.

— Где вы остановились? — спросила я Севера.

— Нигде. Я приехал прямо к совету.

— Тогда вам нужен дом без дозорной струны над крышей. Ваши приборы могут на неё откликнуться.

— Это приглашение или предписание?

— Профессиональная предосторожность.

— Разницу я измерю позже.

Вея фыркнула и пошла вперёд, неся чертёж как трофей.

Я должна была обидеться. Вместо этого рассмеялась — коротко, хрипло, и боль под рёбрами сразу напомнила цену утра.

Север не коснулся меня, только открыл ящик и достал самый маленький камертон. Поднёс его к воздуху между нами. Серебристые дуги разошлись, и городской шум распался на слои: тележные колёса, крики торговцев, струны над крышами, моё неровное дыхание. Каждый звук остался собой. Ни один не исчез.

А под ними, далеко на востоке, чужая женщина снова взя-

ла ноту.

Север побледнел.

— Вы слышите её? — спросила я.

— Нет. — Он смотрел на дрожащую иглу. — Но прибор показывает два хора.

Игла отклонилась ещё дальше.

— И оба, — сказал он, — считают, что защищаются.

Глава 3. Право на паузу

К рассвету восточный уступ окружили тремя рядами верёвки, будто тишина могла разбежаться и её следовало удерживать узлами.

За первым рядом стояли певицы. За вторым — наблюдатели лечебницы и Архива мер. За третьим теснился город: пекари в белых передниках, сонные грузчики, женщины с детьми на руках. Совет запретил зрителей, но запрет не содержал ответа на простой вопрос: как можно тайно проверить защиту, которую оплачивают все?

Север разложил семь камертонов вдоль каменного шва. Я осмотрела каждый, сверяя насечки с чертежом. Вея проверяла после меня и отмечала мелом положение игл.

— Ни один не направлен на хор, — сказал Север.

— Пока, — ответила я.

— Недоверие полезно, когда у него есть процедура.

— А у вас на всё есть неприятно точная фраза?

— Нет. Иногда я молчу.

Он сказал это без улыбки. Семь тактов уже стояли между нами, как узкий мост.

Орина ждала у края круга. На ней была серая накидка младшей партии, но материнскую медную застёжку она сняла. Пустые отверстия от булавки темнели у ворота.

— Ты не обязана входить, — сказала я.

— Я наблюдатель от младших.

— Совет назначил другую.

— Младшие назначили меня.

Утром вчерашнего дня я потребовала бы назвать старшую, утвердившую решение. Теперь только кивнула.

Рада Крайняя поднялась на помост. В руках у неё была доска протокола.

— При угрозе раскрытия ведущая восстанавливает защиту, — объявила она.

— По наблюдаемой реакции, — добавила я.

— Это подразумевается.

— Тогда произнесите полностью.

Толпа за верёвками притихла. Рада посмотрела на меня так, словно я заставляла её раздеваться на морозе.

— Способ восстановления определяет ведущая по наблюдаемой реакции рубежа.

Вея подняла руку.

— Лечебница прекращает опыт при опасной телесной цене любого участника.

Север коснулся ладонью крышки ящика.

— Архив публикует показания всех семи приборов без исправлений совета.

Мы ждали. Наконец Рада провела знаком согласия по доске.

Я встала в центр хора. Тридцать один вдох прошёл по кругу, но я не дала вступления сразу. Сначала посмотрела на

каждую певицу. У некоторых дрожали губы. Две старшие были сердиты, трое младших едва скрывали страх. Никто не ушёл.

— Контрольный тон, — сказала я. — Один такт. После моего жеста — пауза. Не удерживать звук внутри. Не продолжать мысленно. Если почувствуете чужую ноту, поднимите левую руку. Если боль — правую. Возвращаемся только по моему знаку.

— Полную партию? — спросила старшая альтов Грета.

— Свою.

Она поджала губы.

Я подняла ладонь.

Город вдохнул вместе с нами.

Тон лёг на уступ привычной тяжестью. Камень под ногами ответил дрожью. Я услышала сопрано, альты, низкую опору, неровную младшую линию — и под ними далёкий женский голос. Сегодня он не прятался. Он упирался в нашу Песнь с другой стороны, как ладонь в закрытую дверь.

Я опустила руку.

Первый такт тишины оказался громче хора.

В нём были ветер, шорох одежды, скрип верёвки и тридцать два тела, не знающих, что делать с неотданным дыханием. Рубеж не раскрылся. Наоборот, давление под рёбрами ослабло.

Второй такт.

На камне проступила тонкая серебряная жилка. Север не

тронул приборы. Только следил за иглами.

Третий.

Левую руку подняла Орина. Следом ещё пять певиц. Я тоже слышала женщину. Без нашей Песни её голос перестал быть врагом, пробивающим стену. В нём обнаружились паузы — короткие, мучительные, будто кто-то на той стороне тоже учился останавливаться.

Четвёртый такт.

За спиной у меня вступил тенор.

Один чистый звук, затем второй. Я резко обернулась. Мужская партия стояла с закрытыми ртами. Звук шёл из каменной ниши под помостом совета.

Пятый.

К тенору присоединился женский альт. Я знала этот голос. Эсма Крутая учила меня удерживать нижнее дыхание и умерла девять лет назад от горячки. Теперь она пела без вдоха, без дрожи, без единой человеческой ошибки.

— Не вступать! — приказала я живым.

Шестой такт.

Ниша запела хором мёртвых.

Их было слишком много. Знакомые тембры выходили один за другим: ушедшие наставницы, погибшие дозорные, женщины, чьи имена стояли на памятных плитах. Они заполняли оставленное нами место без согласия и без возможности остановиться.

Рубеж выгнулся наружу. Серебряная жилка стала щелью.

Вся подняла обе руки, требуя прекращения. Рада крикнула:

— Полную Песнь!

Я не подчинилась.

— Раздельные партии! — сказала я. — Только добровольцы. Низкая опора — сейчас. Остальные молчат.

Восемь живых голосов вошли под запись, не совпадая с ней. Мёртвый хор попытался поглотить различие, но низкая партия удержалась. Я дала знак альтам. Грета вступила первой — сердито, ярко, по-своему. Щель перестала расширяться.

— Младшие? — спросила я, не приказывая.

Орина шагнула вперёд.

— Да.

Их голоса легли поверх старших не строем, а сетью. Я вступила последней. Чужая певица ответила из-за рубежа. На один удар сердца два хора не давили друг на друга, а слушали промежутки.

Север повернул центральный камертон. Серебристые дуги разошлись. Запись мёртвых отделилась от живых голосов и стала плоской, лишённой глубины. Теперь каждый на уступе слышал разницу.

— Седьмой такт, — произнёс он.

Я закрыла ладонь.

Добровольные партии оборвались. Запись продолжала петь.

Вот что совет прятал от нас: не защиту, а звук, который не умел соглашаться и не имел права отказаться.

Север опустил рычаг камертона. Ниша замолчала. Рубеж сошёлся, оставив на камне влажный серебряный шрам.

Несколько мгновений никто не двигался. Потом Грета сорвала с себя знак старшей партии и швырнула на землю.

— Голос Эсмы был в хранилище? — спросила она.

Рада спустилась с помоста.

— Резервные слепки создавались по уставу чрезвычайного времени.

— Эсма согласилась?

— Тогда действовали иные правила.

— Она согласилась? — повторила Грета.

Рада не ответила.

Толпа за верёвками заговорила сразу. Вопросы ударились об уступ и вернулись гулом. Я почувствовала, как хор ищет меня слухом, ожидая одного общего тона, который снова сделает происходящее понятным. Старое движение уже поднималось во мне: вдохнуть за всех, собрать растерянность в строй, не позволить разноголосице стать беспорядком.

Я заставила себя не петь.

— Откройте нишу, — сказала я.

— Сейчас это невозможно, — ответила Рада.

Север уже стоял возле каменной плиты.

— Четыре крепления. Два запечатаны недавно.

— Вы не имеете права вскрывать имущество рубежа.

— А чей голос внутри? — спросила Орина. — Тоже имущество?

Рада посмотрела на неё с холодным удивлением, каким взрослые встречают мебель, внезапно задавшую вопрос.

— Ученица, вернитесь за круг.

— Я наблюдатель младших. И я уже за своим кругом.

Орина подошла ко мне. Не спряталась за плечом — встала рядом.

Вся тем временем опустилась на колени у ниши и провела белой тряпкой по краю плиты. На ткани осталась бурая полоса.

— Кровяная соль, — сказала она. — Ею закрепляют телесный отклик слепка. Эти записи не просто воспроизводят звук. Они продолжают брать цену с родственной линии.

У меня похолодели пальцы.

— Поэтому выбывшее место наследуют, — сказала я.

Хранитель партий выступил из-за Рады.

— Наследование сохраняет устойчивость тембра.

— Оно кормит запись, — ответила Вся.

Орина побледнела. Материнская застёжка лежала у неё в кармане, но я словно увидела медь сквозь ткань.

— Моя мать жива, — сказала она.

— Она больше не может петь, — произнёс хранитель. — Слепок компенсирует утрату.

— Когда его сделали?

Молчание совета стало ответом.

Орина качнулась. Я протянула руку, но остановила её прежде, чем коснуться.

— Можно?

Она посмотрела на мою ладонь и кивнула.

Я поддержала её за локоть. Это было почти ничего. Именно поэтому имело значение.

Север снял показания с последнего прибора и громко назвал цифры писцу Архива. Потом передал копию Вее.

— Запись создала семьдесят две сотых давления, — сказал он. — Живой хор в отдельных партиях снизил его до двадцати одной. Во время общей контрольной ноты давление росло.

— Ваши приборы не признаны советом, — сказала Рада.

— Поэтому данные получают все три наблюдателя.

— До разбора публикация запрещена.

— Запрет не был условием опыта.

В его голосе не было торжества. Только та сухая твёрдость, с которой он вчера признал недопустимый довод. Я вдруг поняла: он оставлял совету ту же возможность, которую оставлял мне, — не согласиться. Но не позволял выдать несогласие за право владеть фактами.

Рада повернулась ко мне.

— Ведущая, восстановите порядок.

Город ждал. Я могла потребовать тишины и получила бы её. Могла назначить виновных, заслонить Орину, приказать вскрыть нишу. Любой такой приказ снова сделал бы мой го-

лос дверью, через которую обязаны пройти остальные.

— Разбор состоится на площади через два часа, — сказала я. — До него каждый участник получит копию записи и право добавить своё свидетельство. Нишу опечатают четырьмя печатями: совета, хора, лечебницы и младшей партии. Открыть её можно будет только при всех четырёх.

— У младшей партии нет печати, — заметила Рада.

Орина выпрямилась.

— Значит, сделаем.

Кто-то за верёвкой рассмеялся. Не насмешливо — от внезапного облегчения. Смех подхватили другие, и он прошёл по уступу неровной волной, в которой никто не держал основной тон.

Рубеж не рухнул.

Север собрал камертоны. Когда я помогла ему уложить центральный стержень на войлок, наши пальцы встретились у крышки. Он сразу отступил, но я не убрала руку.

— Вы знали о нише? — спросила я.

— Нет.

— Верю.

Он посмотрел на меня внимательнее, чем требовал ответ.

— Это опасное решение.

— Временное. Не привыкайте.

— Постараюсь заслужить повторное.

За его плечом певицы спорили, кому нести копии протокола. Вея учила Орину ставить печать лечебной солью, пока

не изготовят настоящую. Рада говорила с хранителем партий вполголоса, уже собирая новый порядок из обломков старого.

А я впервые стояла на восточном уступе после незавершённой Песни и чувствовала не вину, а усталость, которая принадлежала только мне.

Мне разрешили бы отдохнуть как награду за службу. Но пауза, которую разрешают сверху, остаётся частью приказа.

Эту мы взяли сами.

Глава 4. Три шага и пропасть

К полудню площадь научилась говорить без ведущей и едва не разнесла сама себя на части.

Одни требовали разбить нишу с голосами мёртвых. Другие кричали, что без резерва рубеж не переживёт ночи. Родственники певец теснились у стола Веи, желая узнать, с кого и сколько лет брали кровавую цену. Писцы Архива раздавали копии измерений, пока бумага не закончилась, а потом стали переписывать цифры мелом на стены.

Я стояла на ступени ратуши и не поднимала рук.

Это оказалось труднее, чем держать высокую ноту на морозе. Тело знало старый способ: вдохнуть, собрать шум в аккорд, придать каждому голосу место. Но сегодня любое назначенное мной место было бы слишком похоже на клетку.

— Ты можешь попросить говорить по очереди, — сказала Вея.

— Тогда очередь снова назначу я.

— Правила разговора не равны власти над ответами.

Она держала четыре листа с именами семей, чья кровь совпала с солью на плите. На нижнем листе значилось имя Орины.

— И всё же ты пришла ко мне, — сказала я.

— Потому что ты умеешь сделать так, чтобы слышали тихих. Не путай отказ командовать с отказом работать.

Я посмотрела на площадь. Рада Крайняя спорила с Гретой; обе уже сорвали голос. Орина стояла на краю толпы, сжимая ещё влажную печать младшей партии. Её пытались расспрашивать сразу трое взрослых мужчин, ни разу не дав ей договорить.

Я подняла руку — не знак вступления, а просьбу.

Шум спадал медленно, островами.

— У нас два вопроса, — сказала я. — Что делать с записями и чем удерживать рубеж до решения. По первому выскажутся семьи тех, чьи слепки нашли в нише. По второму — те, кто сегодня готов нести телесную цену. Остальные могут спрашивать. Решать за них — нет.

— А если они решат оставить город без защиты? — крикнул хранитель партий.

— Тогда мы услышим это решение прежде, чем объявим его невозможным.

Орина пробралась к ступеням.

— Младшие требуют открыть нишу, — сказала она. — При четырёх печатях, как договорились. И снять слепки по одному.

— Рубеж не выдержит резкого провала, — возразила Рада.

— Это предположение, — раздался голос Севера за моей спиной. — Его можно проверить.

Он разложил на парапете карту уступа. Вместо семи камертонов на ней были отмечены три.

— Нет, — сказала Рада прежде, чем он успел продолжить. Север даже не посмотрел на неё.

— Запись создаёт давление, но одновременно заполняет шов. Если отделить один её голос и открыть участок рубежа шириной в три шага, мы увидим, способен ли добровольный живой тон удерживать края без осады другой стороны.

— Открыть? — переспросила Вея.

— Не проломить. Развести края и оставить между ними тишину. На шесть ударов сердца.

Площадь снова загудела. Я склонилась над картой. Три шага на бумаге выглядели смешными. На восточном уступе они могли стать дорогой, а могли — пропастью без дна.

— Кто будет держать края? — спросила я.

— Камертоны. Я буду управлять разделением.

— А живой тон?

— Вы.

— Значит, всё-таки один голос.

— Один измерительный голос. Не защита и не приказ. Вы сможете остановиться в любой момент.

— Если я остановлюсь, края сойдутся?

Север помолчал ровно настолько, чтобы площадь заметила.

— По расчёту.

— А не по расчёту?

— Камертон может сорваться в общий резонанс. Тогда запись подхватит ваш голос и проход расширится.

— Насколько?

— Я не знаю.

Честный ответ испугал сильнее уверенного обещания.

Рада шагнула между нами и картой.

— Опыт запрещён.

— Кем? — спросила Орина.

— Советом рубежа.

— Тем самым, который спрятал мою мать в камне?

Рада побледнела, но не отступила.

— Именно сейчас нам меньше всего нужна ещё одна ошибка.

— Тогда назовите безопасный способ проверить защиту без слепков, — сказала я.

Она открыла рот и закрыла его.

Мы слишком долго называли безопасностью то, что просто происходило с другими.

К вечеру четыре печати на нише сняли в присутствии площади. За плитой обнаружили медные пластины, уложенные стоймя, как страницы книги. На каждой — имя, партия и дата первого слепка. У некоторых имён стояло несколько дат. Голос брали снова, когда прежняя запись теряла силу.

Мать Орины была записана четырежды.

Девушка не плакала. Она провела пальцем возле имени, не касаясь меди, и спросила:

— Какую снимаем?

Север указал на нижнюю пластину без имени.

— Сначала ту, чья родственная линия не указана. Риск кровавого отклика меньше.

— У неё есть имя, — сказала Грета. — Вы просто его стёрли.

Хранитель партий отвёл глаза.

Я почувствовала, как во мне поднимается злость, удобная, звонкая, готовая стать командой. Север встретил мой взгляд и едва заметно покачал головой. Не успокаивал. Напоминал: злость тоже не даёт права обещать за неизвестную женщину.

— Пластину не уничтожаем, — решила я. — Отделяем от рубежа и передаём на хранение лечебнице, пока не найдём имя и родных.

— Кто дал вам право решать? — спросил хранитель.

— Никто. Поэтому я предлагаю. Возражения тех, кто готов нести последствия?

Он молчал. Вея записала решение как временное и собрала подписи. Орина поставила младшую печать последней.

На уступ мы вышли перед закатом. Город оставили за двумя верёвками; внутри находились только участники опыта: Север, Вея, я и три наблюдательницы, выбранные семьями певиц. Орина стояла среди них, хотя Рада до последнего пыталась заменить её взрослой.

Север установил камертоны треугольником. Два — по краям будущего прохода, третий — позади меня. От каждого тянулась серебряная струна к медной пластине, лежавшей в ящике с соляным затвором.

— Повторим условия, — сказал он.

— Шесть ударов сердца, — ответила я. — Один мой тон. Без хора и без записи. Любой участник может прекратить опыт.

— Как?

— Поднять обе руки или сказать «стоп». Если я не услышу, Вея касается моего плеча. Только она.

Север кивнул.

— Я развожу края не шире трёх шагов. Если стрелка войдёт в красное поле, отпускаю рычаг независимо от вашего знака.

— Если рычаг заклинит?

Он показал молоток у правого колена.

— Разобью центральную вилку.

— И что станет с вами?

— Я оглохну на несколько дней. Возможно, дольше.

— Вы сказали это только сейчас.

— Раньше вы не спросили.

Мне захотелось ответить резко. Вместо этого я подошла ближе.

— Если стрелка войдёт в красное поле, сначала смотрите на меня. Один удар сердца.

— Это плохая процедура.

— Это моё условие.

— Почему?

— Потому что вы не будете решать в одиночку, кому из

нас платить телом.

Он долго смотрел на меня, потом переставил молоток между нами, рукоятью к середине.

— Один удар, — согласился он. — Потом решение принимает тот, кто успеет.

Вся недовольно фыркнула.

— Романтику отложите до места, где инструменты не могут оторвать вам головы.

— Это переговоры, — сказала я.

— Разумеется. Оттого и опасные.

Север отвернулся к приборам, но я увидела, как дрогнул угол его рта.

Мы заняли места.

Я закрыла глаза и нашла в себе ноту, которой не было в старой Песни. Не ведущую, не опорную — тонкую середину моего обычного голоса. Такую я напевала по утрам, пока никто не слышал. Она ничего не защищала и никого не собирала.

— Готова, — сказала я.

Север коснулся первой вилки.

Камень ответил низкой дрожью. Серебряный шрам, оставшийся после утреннего опыта, раскрылся на толщину волоса. Из него дохнуло влажным теплом.

Я запела.

Мой тон вошёл в щель и не вернулся. Обычно рубеж отдавал голос в кости, заставлял череп звучать второй чашей.

Теперь звук уходил вперёд, в пространство, где ему не приказывали отражаться.

Первый удар сердца.

Щель стала шириной в ладонь. За ней не было ни огня, ни пустоты. Я увидела тёмную землю и траву, мокрую от того невозможного дождя. Над травой висел бледно-зелёный свет.

Второй.

Края разошлись ещё. Один шаг.

Чужой воздух коснулся лица. Он пах горькими яблоками и камнем после грозы. Моя нота дрогнула, потому что в ответ пришла другая.

Женщина за рубежом пела не вместе со мной. Она держала соседний звук, оставляя между нами узкий, ясный промежуток.

Третий удар.

Север повернул рычаг. Проход расширился до трёх шагов.

По ту сторону стояла женщина в тёмной одежде. В её волосах серебрились нити, похожие на струны наших камертонов. Она держала ладони на каменной раме с другой стороны и смотрела прямо на меня.

Не призрак. Не голос в голове. Живая взрослая женщина, такая же уставшая, как я.

Четвёртый удар.

Она перестала петь.

Я едва не усилила свой тон, чтобы заполнить внезапную

пустоту. Привычка рванула дыхание вверх. Но женщина подняла пустые ладони: не угроза, не просьба — показанное отсутствие оружия и звука.

Я тоже замолчала.

Проход остался открыт.

Стрелки дрогнули и пошли вниз.

— Лада, — прошептал Север.

Это был не приказ продолжить. Вопрос.

Я кивнула.

Пятый удар сердца мы простояли в общей тишине.

Женщина коснулась пальцами горла, потом указала на меня.

— Я Лада, — сказала я.

Слова прошли через рубеж без мелодии.

Она ответила. Звук был искажён расстоянием, но имя я расслышала:

— Яра.

Шестой удар.

Центральная стрелка метнулась в красное.

Север посмотрел на меня. Один обещанный удар начался.

Из ящика за спиной ударил безымянный голос. Медная пластина запела сама, цепляясь за мою последнюю ноту. Проход дёрнулся и раскрылся шире. За Ярой земля пошла трещинами. Одна из наблюдательниц закричала.

Молоток лежал между нами.

Я могла схватить его. Север тоже. Но Яра уже прижала

обе руки к своей раме, удерживая край не песней, а телом. На её запястьях проступила кровь.

— Стоп! — крикнула Орина.

Север отпустил рычаг.

Он не вернулся.

Мы потянулись к молотку одновременно. Его пальцы накрыли мои, и на мгновение каждый мог решить за двоих.

Я разжала руку.

Север не ударил по вилке. Он перевернул молоток и разбил соляной затвор ящика.

Белая пыль взвилась. Пластина захлебнулась собственным звуком. Не уничтоженная, только отделённая от нашей крови, она упала на войлок.

Края прохода рванулись друг к другу.

Яра успела отдёргнуть руки. Перед тем как щель закрылась, она прокричала одно слово:

— Слушайте!

Камень сомкнулся.

Тишина ударила меня в горло.

Я вдохнула, чтобы спросить Севера, цел ли он, но воздух вышел без звука. Попробовала снова. В груди было движение, на губах — форма его имени, а между ними ничего.

Вея оказалась рядом первой. Пальцы легли мне под челюсть, затем на ключицы.

— Не пытайся, — сказала она. — Связки целы. Цена глубо-

же.

Я посмотрела на Севера.

Он услышал мой немой вопрос.

— Проход закрыт. Давление падает. Никто не оглох.

Только тогда я заметила кровь на его ладони: край молотка рассёк кожу. Он спрятал руку, словно это было неважно.

Орина подняла безымянную пластину. На меди проступали буквы, которых прежде не было. Кровяная соль уходила из насечки, и стёртое имя возвращалось тёмными линиями.

— Мила Травная, — прочитала она.

Одна из наблюдательниц опустилась на колени.

— Сестра моей бабушки.

Никто не произнёс слова «успех».

Мы открыли проход. Мы увидели другую сторону. Мы узнали, что тишина удерживает рубеж лучше принуждения. И за шесть ударов сердца трое людей заплатили кровью, а я утратила возможность сказать, на что согласна дальше.

Север подошёл ко мне, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Можно осмотреть горло? — спросил он.

Я покачала головой и указала на Вею.

— Хорошо.

Ни обиды, ни попытки убедить. Он сел на камень и позволил Орине перевязать ладонь.

Вея дала мне грифельную дощечку. Я написала: «На сколько?»

Она проверила пульс на шее и заставила меня дышать в

сложенные ладони.

— Если это обычная отдача — до рассвета. Может, сутки. Но сегодня ты не ведёшь хор и не даёшь показаний голосом.

Я написала: «А рубеж?»

Север прочитал через её плечо.

— Рубеж выдержал паузу. До утра его будут измерять, не петь ему.

Рада, поднявшаяся на уступ после закрытия прохода, услышала последние слова.

— Вы не можете отменить ночную Песнь.

Я повернула дощечку к ней.

На ней оставалось место только для одного короткого ответа.

«Могу» — означало бы, что право по-прежнему принадлежит ведущей. «Не могу» вернуло бы нас к старому приказу.

Я стёрла вопрос о рубеже и написала крупно:

«Пусть решат те, кто будет петь».

Орина прочитала вслух.

Ночь ещё не наступила, а мой голос уже звучал из чужого рта. Но впервые его не украли и не записали. Я сама передала ей слова — только эти, только сейчас — и могла забрать дощечку обратно.

Орина вернула её сразу.

Три шага прохода закрылись. Пропасть между приказом и согласием осталась открытой.

И переходить её предстояло без моего голоса.

Глава 5. Младшая партия

К вечеру мой город разделился на тех, кто боялся ночи без Песни, и тех, кто впервые боялся самой Песни.

Обе стороны собрались в певческом дворе. Раньше сюда допускали только отмеченных партией: семь рядов каменных скамей, семь дверей в стене, семь желобков в полу, по которым после тяжёлых дежурств стекала вода с кровавой солью. Теперь ворота стояли открыты. На местах первых голосов сидели пекари, лодочницы, учителя, семьи записанных женщин. Певицы теснились у стен, будто гости в собственном доме.

Я заняла нижнюю ступень, не возвышение ведущей. Вея велела обмотать горло тёплой тканью и запретила шептать: шёпот, по её словам, рвал то, что обычная речь только растягивала. На коленях у меня лежали три дощечки. На первой я заранее написала: «Я не могу вести собрание». На второй: «Я отвечу письменно». Третью оставила чистой.

Север устроился у ворот с приборами. Он мог бы встать рядом со мной — после уступа никто не решился бы его прогнать, — но выбрал место, откуда было видно камертоны и не было видно моих записей.

В этом тоже заключался ответ.

— До полуночи меньше четырёх часов, — сказала Рада Крайняя с верхней ступени. — Мы должны назначить со-

став.

— Состав уже назначен на год, — отозвался хранитель партий.

Город загудел.

Рада постучала кольцом по камню. Этот звук всегда означал, что после него вступаю я. Несколько десятков лиц повернулись ко мне с такой готовностью, что мышцы под рёбрами сами приготовились взять дыхание.

Я подняла первую дощечку.

«Я не могу вести собрание».

— Тогда его веду я, — немедленно сказала Рада.

Вея поднялась рядом со мной.

— Почему вы?

— Потому что я старшая из первых голосов.

— Мы обсуждаем, должны ли первые голоса по-прежнему распоряжаться остальными. Ваше старшинство — предмет разговора, а не ответ на него.

Кто-то засмеялся. Рада посмотрела в ту сторону, и смех погас. Старые привычки не исчезали от открытых ворот.

— Нужен порядок, — сказала она.

— Нужен, — согласилась Вея. — Пусть его предложат те, кто сегодня не решает вопрос о собственной власти.

После недолгой перебранки выбрали троих: мельника Тиша, который не умел попадать даже в погребальный унисон; лодочницу Сару, когда-то покинувшую третью партию после болезни лёгких; и писца Анима из Архива, самого младшего

из служащих, не имевшего ключей от ниши. Каждому дали по песочным часам. Один следил за очередью, другой — за временем, третий записывал решения. Любой мог потребовать остановку, скрестив руки над головой. Такой знак видели даже те, кого заглушал шум.

Пока договаривались, стемнело. Серебряный шов над стеной налился тусклым светом. Я ждала знакомого давления под языком, но там оставалась пустота — не спокойная, а болезненная, похожая на место вырванного зуба.

Первой обсуждали ночь.

Север показал три ленты измерений. Когда он развернул их на стене, люди придвинулись ближе.

— После закрытия прохода давление падало два часа, — сказал он. — Последний час остаётся ровным. Это не доказывает, что рубеж выдержит до утра. Только то, что немедленной угрозы нет.

— А скрытая? — спросил кузнец с задней скамьи.

— Не знаю.

Слово уже не вызвало прежнего гнева. Город понемногу учился различать незнание и обман.

Рада предложила обычный состав с заменой меня на старший второй голос. Младшие потребовали полной паузы. Между этими решениями словно не существовало пространства, пока Сара не спросила:

— Если мы не знаем, почему выбор только между всей Песней и ничем?

Север посмотрел на неё с уважением инженера к правильно поставленному вопросу.

Так появился ночной дозор без мелодии. Три добровольца от каждой партии должны были по очереди стоять у стены, следить за светом шва и читать приборы. Никто не держал общий тон. Если две стрелки одновременно пересекали красную черту, дозор будил двор и заново собирал решение. Каждые полчаса один человек отходил от рубежа, даже если уверял, что не устал.

— А если граница зовёт? — спросила Грета.

— Не отвечать в одиночку, — написал Аним в решении.

Я попросила дощечку и дописала: «И записать точные слова».

Мы подняли руки. За дозор без Песни высказалось чуть больше половины. Рада потребовала записать своё возражение. Аним записал его полностью, не сокращая.

Никто не умер от того, что несогласие осталось видимым.

Вторым вопросом были слепки. Здесь порядок посыпался.

Семьи требовали выдать пластины немедленно. Хранитель говорил, что изъятие даже одной ослабит восточный участок. Певицы спрашивали, снимали ли голоса с них самих. Ответить было некому: книги ниши хранились в закрытом архиве совета.

— Значит, откройте архив, — сказала Орина.

Она сидела возле двери младшей партии. На ней ещё оста-

вался серый плащ после уступа; на рукаве засохла соль с пластины Милы Травной.

— Описи нельзя выносить, — ответил хранитель.

— Тогда внесите их сюда.

— У тебя нет права требовать.

— У моей матери брали голос четырежды. Какого права мне ещё не хватает?

Он заговорил о печатях, преемственности и чрезвычайном положении. Чем дольше говорил, тем яснее становилось: запрет держался не на опасности для рубежа, а на том, что прежде никто не спрашивал достаточно громко.

Тиш велел перевернуть часы. Когда песок истёк, хранитель не дошёл и до половины своей речи.

— Время, — сказал мельник.

— Я не закончил.

— Поэтому и нужны часы.

Впервые за много лет хранителя партий прервал человек, который не различал до и ре.

Орина поднялась.

Я знала, что она собирается сказать. Знала по тому, как она не касалась печати на груди, хотя обычно проверяла её каждые несколько минут. Знала по прямой спине — слишком прямой для спокойствия. И всё равно, когда она заговорила, первая моя мысль была не о ней.

Она была о ночном составе.

Если Орина откажется, младшая партия потеряет силь-

нейший верхний голос. После моей немоты в хоре не останется никого, кто мог бы провести связку через четвёртый поворот. Так учили считать безопасность: не с вопроса, что человек хочет отдать, а с подсчёта, сколько мы потеряем, если он не отдаст.

— Через двенадцать дней я должна занять место матери,
— сказала Орина. — Я не займу.

Во дворе стало тихо.

Не магически тихо. Кто-то кашлянул, за стеной скрипнула телега, прибор Севера отмерял ровные щелчки. Но сотни людей одновременно не нашли готовой реплики.

— Это испуг, — наконец сказала Рада. — После сегодняшнего он понятен. Твоё вступление можно отложить.

— Я не прошу отсрочки.

— Ты не знаешь, от чего отказываешься.

— Вот именно. Мой голос уже лежит на пластине или его возьмут после вступления?

Хранитель отвёл взгляд.

— Обряд слепка проводится по необходимости.

— С моего согласия?

— Партия даёт согласие за свой состав.

— Я не партия.

Эти три слова ударили сильнее крика.

Я вспомнила, как сама говорила девятнадцатилетней Орине: береги дыхание, твоё горло нужно рубежу. Как хвалила её за то, что она не пропускала занятия, даже когда Вея

велела неделю молчать после лихорадки. Как однажды назвала её будущей опорой — и не спросила, хочет ли она держать чужой вес.

Рада спустилась на одну ступень.

— Младшая партия не принадлежит тебе, но и ты принадлежишь ей. Мы все принимаем долг до того, как способны его понять.

Орина побледнела.

— Тогда это не долг. Это запись на меди.

— Осторожнее.

— Или что? Вы возьмёте мой голос раньше?

Несколько младших певиц встали. Не рядом с Ориной — пока ещё нет. Просто поднялись со своих мест.

Рада повернулась ко мне.

— Лада. Ты её учительница.

В её голосе прозвучала надежда на старый порядок. Я должна была объяснить разницу между страхом и решением, напомнить о годах учёбы, о городе за стеной, о чести места. Я умела произнести такую речь так, что Орина сама попросила бы печать обратно.

Именно поэтому моя немота внезапно показалась не только потерей.

Я подняла вторую дощечку: «Я отвечу письменно».

Потом взяла чистую. Грифель дрожал в пальцах. Все ждали, пока я выведу строку.

«Она сказала нет».

Рада прочла и нахмурилась.

— Мы слышали. Что ты думаешь о её решении?

Я дописала:

«Этого достаточно, чтобы не вступать».

Шум поднялся сразу. Теперь обе стороны требовали моего объяснения. Одни хотели знать, почему годы обучения можно перечеркнуть двумя словами. Другие — почему я раньше не сказала им, что отказ вообще возможен.

На второй вопрос у меня не было достойного ответа.

Я написала: «Раньше я защищала порядок, который лишил нас этого вопроса».

— И теперь один опыт сделал тебя мудрее всех? — спросила Рада.

«Нет. Он сделал ошибку слышимой».

— Если каждый уйдёт, рубеж падёт.

Я посмотрела на Севера. Он не вмешался. Правильно: это был не спор о машине и не задача, которую инженер мог решить вместо певиц.

«Если рубеж держится только на тех, кому нельзя уйти, мы должны менять рубеж».

Рада прочитала строку вслух. В её голосе не было насмешки — только усталость.

— А до тех пор?

Вот настоящий вопрос. Красивое право ничего не стоило, если цену переходного дня снова незаметно платили те же женщины.

Я написала медленно:

«До тех пор поём только добровольно. С меньшей защитой. О риске сообщаем всем. Ищем другой способ».

— Ты предлагаешь подвергнуть город опасности ради одного отказа.

«Опасность уже есть. Раньше мы прятали её внутри певиц».

Вея забрала у меня грифель прежде, чем я сломала его пальцами.

— Это заключение лечебницы, — сказала она и развернула свой лист. — За последние пять лет семнадцать певиц потеряли голос больше чем на месяц. У девяти начались кровотечения после Песни. Три не вернулись в состав. В книгах совета указаны только две, потому что остальных перевели в запас прежде, чем признали повреждение.

Грета закрыла рот ладонью.

— Ты знала? — спросила она Раду.

— Не все числа.

— Какие знала?

Рада не ответила.

На этот раз люди поднимались не по партии. Сначала Сара, бывшая певица. Потом две женщины из семей записанных. Потом младшие — все, кроме одной девочки у самой двери. Они встали вокруг Орины неровным кругом, оставив ей достаточно места, чтобы выйти.

Не клятва. Не новый хор. Просто видимая граница, внут-

при которой её «нет» не требовало оправданий.

Орина посмотрела на меня.

— А учиться я тоже больше не могу?

Вопрос застал меня врасплох.

— Почему не можешь? — спросила Вея за меня.

— Потому что место было платой за обучение. Мне так сказали.

Хранитель партий побагровел.

Я снова вырвала у Вей грифель.

«Ты училась слышать. Это твоё умение».

— Я хочу закончить курс, — сказала Орина. — И участвовать в опытах, если смогу отказываться перед каждым. Но место матери не займу. И слепок не дам.

Аним записал её условия дословно.

Решение об отказе не ставили на голосование. Голосовали о другом: признаёт ли двор право Орины распоряжаться обучением без наследования партии и допускает ли её к открытым опытам на общих условиях. Большинство подняло руки. Рада воздержалась. Хранитель проголосовал против. Его возражение тоже внесли в запись.

Орина сняла серую печать с плаща.

Металл звякнул о стол, и я вздрогнула, ожидая ответа границы.

Рубеж не рухнул.

Только одна из стрелок Севера качнулась на деление и вернулась назад.

— Это всё? — спросил Тиш.

— Для прибора — всё, — ответил Север.

— А для нас?

— Для вас, полагаю, только начало.

После собрания люди не расходились. Добровольцев в ночной дозор оказалось больше, чем мест. Пришлось тянуть полоски ткани с номерами смен. Не вытянувшие спорили, требуя включить их в резерв. Вчера право не петь казалось угрозой городу; сегодня возможность наблюдать без песни стала работой, за которую соперничали.

Я не обольщалась. Пока шов светился ровно. Стоило ему расшириться, и многие снова потребовали бы самый быстрый привычный способ. Свобода, данная в спокойный час, проверялась только в опасный.

Орина нашла меня у стены. Без печати на плаще осталось светлое пятно.

— Вы правда согласились бы на меньшую защиту? — спросила она.

Я написала: «Не за тебя».

— Это не ответ.

Пришлось стереть и начать снова.

«Я согласна не покупать защиту твоим телом. Риск разделим».

Она прочитала дважды.

— Вы сердитесь?

Я кивнула.

Орина отшатнулась, и я поспешно подняла палец, прося подождать.

«На себя».

— За что?

«Что считала твоё будущее частью своего плана».

Она села рядом. Мы смотрели, как первая смена дозора учится сверять стрелки. Мельник Тиш путал шкалы, и Север терпеливо заставлял его повторять показания, не касаясь прибора за него.

— Я думала, если откажусь, вы перестанете быть моей учительницей, — сказала Орина.

Я показала на её грудь, потом на своё ухо.

— Не понимаю.

На дощечке почти не осталось места.

«Ты сняла печать, не слух».

Орина улыбнулась. Не благодарно — к счастью, не благодарно. Скорее так, словно дверь, которую она собиралась выбить плечом, вдруг открылась, а за ней всё равно обнаружилась длинная дорога.

Север подошёл только после того, как она ушла к приборам.

— Можно сесть?

Я подвинулась.

Он оставил между нами расстояние в ладонь. На перевязанной руке проступило маленькое бурое пятно.

— Давление ровное, — сказал он. — Но в измерениях

появился второй ритм. Очень слабый.

Я указала на рубеж.

— Оттуда, — подтвердил он. — Возможно, Яра тоже перешла к наблюдению без песни.

Возможно. Или другая сторона готовила ответ, которого мы ещё не умели распознать.

Север положил на камень узкую бумажную ленту. Две линии шли рядом, не совпадая. Между их вершинами сохранялся одинаковый промежуток.

— Сегодня вы сделали с людьми то же, что вчера с прохождением, — сказал он. — Развели края и не заполнили середину собой.

Я покачала головой и написала поверх старой фразы: «Мы сделали».

— Я не участвовал в решении.

«Поэтому участвовал».

Он понял. Его молчание оставило место нашему спору, как тишина Яры оставила место моему имени.

Из двора донёсся смех: Тиш наконец правильно прочитал шкалу и требовал записать это как историческое достижение. Ночная тьма лежала за стенами, и ни один голос не держал её на расстоянии. Мне было страшно. Страх не исчез от справедливого решения; он лишь перестал служить достаточным оправданием для насилия.

Я коснулась горла. Боль отступила, оставив сухое тепло.

— Не проверяйте, — предупредил Север.

Я взглянула на него.

— Это не приказ, — добавил он. — Очень настойчивая просьба Веи, переданная через человека, который предпочёл бы сегодня больше ничего не чинить молотком.

Я улыбнулась и убрала руку.

На исходе первого часа стрелка восточного камертона поднялась. Дозорные замолчали сами, хотя им и без того было запрещено петь. Вторая стрелка дрогнула следом.

До красной черты оставалось три деления.

Два.

Орина стояла ближе всех к тревожному колоколу. Рада, не ушедшая после собрания, шагнула к певческим дверям.

— Состав готовится! — приказала она.

Люди задвигались. Старый порядок оказался быстрее мысли: певицы находили свои ряды, расправляли плечи, набирали воздух.

Орина не пошла к двери младшей партии.

Она осталась у прибора.

— Подождите вторую шкалу, — сказала она.

— Некогда!

— По принятому решению тревога — две красные стрелки.

Первая коснулась черты.

Вторая остановилась за одно деление.

Рада подняла руку для вступления. Несколько певиц повторили движение. Но без ведущей знак не стал музыкой.

Мы ждали.

Мне казалось, я слышу, как город удерживает общий вдох — самое опасное начало любой песни. Я могла разрушить ожидание одним жестом. Могла потребовать дощечку. Могла снова стать необходимой.

Орина смотрела только на шкалу.

Вторая стрелка пошла вниз.

Потом первая отступила от красной черты.

Из-за рубежа пришли три тихих удара, разделённые равными паузами. Не мелодия. Не зов. Сигнал измерения.

Север ответил тремя ударами по деревянной раме камертона.

Стрелки успокоились.

Рада медленно опустила руку. Певицы выдохнули кто когда, и впервые их несогласованный шум показался мне безопаснее идеального аккорда.

Орина повернулась ко мне.

— Мы выдержали.

Я хотела ответить на дощечке, но в груди шевельнулся звук. Совсем маленький, шершавый. Вея запретила проверять; Север передал её просьбу; моё тело требовало осторожности.

И всё же это слово принадлежало только мне.

Я не стала брать высокий тон. Не собрала чужое дыхание. Просто позволила воздуху пройти между губами.

— Да, — сказала я.

Голос едва слышала Орина. Рубеж не вспыхнул, двери партий не открылись, никто не получил приказа.

Одно слово вернулось ко мне не как власть.

Как право ответить.

Глава 6. Ответ с той стороны

К утру мой голос вернулся настолько, чтобы Вея запретила им пользоваться.

— Одно слово ночью было глупостью, — сказала она, развязывая ткань на моём горле. — Второе станет выбором.

Я сидела на столе в лечебнице и послушно дышала через нос. После каждого вдоха Вея касалась двумя пальцами ямки над ключицей, считала удары и хмурилась так, словно моё тело намеренно искажало показания.

За окном певческий двор не спал. Ночной дозор сменился утренним, но люди не расходились. Они выстроились у камертона Севера и по очереди учились читать две шкалы. Вчера эти люди ждали от хора готового спасения. Сегодня спорили о цене деления и требовали объяснить, почему восточная стрелка запаздывает.

Север стоял у деревянной рамы, держа молоточек за самый конец. Его движения сделались осторожнее после раны на ладони. Когда он ударил, прибор ответил чистым низким звуком, а рубеж — тремя короткими толчками.

Тем же ритмом, что ночью.

Я соскочила со стола.

Вея поймала меня за локоть.

— Ногами пользоваться разрешаю. Горлом — нет.

Я показала на окно.

— Я тоже вижу. И если там начнётся конец света, он пождёт, пока я закреплю повязку.

Она затянула узел мягко, но надёжно. На мой вопросительный взгляд ответила:

— Полдня молчания. Потом одна фраза обычной речью. Если не будет крови, к вечеру разрешу разговор. Не Песню. Я подняла ладонь в знак согласия.

— Вот это, — сказала Вея, — мне нравится больше твоего вчерашнего «да».

Во дворе Север уже снял с прибора бумажную ленту. На ней вместо двух привычных линий тянулась третья: угловатая, с одинаковыми уступами. Орина держала доску наблюдений и записывала время каждого удара. Серой печати на её плаще больше не было. Светлое пятно казалось знаком не пустоты, а освобождённого места.

— Повторяется каждые семьдесят два вдоха, — сказала она мне. — Три удара, длинная пауза, два, ещё пауза, один. Север думает, это счёт.

Север покачал головой.

— Я думаю, что повторяющийся сигнал удобно проверить как счёт. Это не одно и то же.

— А я думаю, что вы не умеете радоваться, пока не измерите радость с трёх сторон.

— С двух достаточно, если они не совпадают.

Орина закатила глаза и протянула мне доску. Внизу она приписала: «Рада требует собрать старшие партии. Храни-

тель ушёл в Архив».

Я обвела вторую строку.

— Он сказал, что проверит старые сигнальные таблицы,

— пояснила Орина. — Но ключи взял от нижних ниш.

Там хранились пластины с голосовыми слепками.

Я написала: «За ним кто-нибудь пошёл?»

— Сара. Не входить, только смотреть. Мы решили, что это не тревога, пока нет второй красной шкалы.

Мы решили. Не я приказала. Даже тревога теперь нуждалась не в одном горле, а в согласованном признаке.

Рубеж снова толкнул воздух: три, два, один.

На этот раз последний удар не исчез. Он растянулся тонкой дрожью, от которой медные пластины в дверях партий задрезжали. Несколько певиц одновременно прикрыли рот. Мы все знали это ощущение: чужой звук ищет в теле место, откуда его можно продолжить.

Я подняла скрещённые руки.

Остановка.

Орина повторила знак и громко объявила:

— Не отвечать голосом. Не подстраиваться. Кто слышит внутри мелодию — отойдите от стены.

Трое старших певиц подчинились сразу. Четвёртая, Грета, стояла неподвижно, прижав ладонь к груди.

— Это не мелодия, — сказала она. — Там слова.

— Какие?

— Не понимаю.

Север поднёс к раме короткий камертон с раздвоенным стержнем.

— Лада, вчера на уступе вы различили своё имя внутри воздействия. Если я отделию несущую частоту, сможете слышать речь без ответа?

Вопрос был профессиональным и потому опасным. Ещё неделю назад я согласилась бы прежде, чем он закончил. Ведущая должна слышать то, чего не слышат остальные. Ведущая должна первой входить в неизвестный звук. Так обязанность превращалась в привычку, а привычка — в согласие, которого никто не спрашивал.

Я посмотрела на Вею.

— Горлом слушают только плохие певицы, — сказала она. — Но если почувствуешь давление под языком — прекращаешь.

Потом посмотрела на Орину. Она уже держала песочные часы.

— Тридцать вдохов, — предложила она. — Можно остановить раньше.

Я написала: «Пятнадцать. Без записи моего голоса».

Север прочёл и повернул камертон, показывая пустое гнездо под пластину.

— Записываем только колебание рамы. Ваш звук не нужен.

Он не сказал, что риск невелик. Не пообещал безопасности, которой не мог знать. Просто перечислил условия и до-

ждался, пока я кивну.

Люди отступили от стены. Север установил малый камертон поперёк большого, Орина перевернула часы, Вея положила пальцы мне на запястье.

Первый удар Яры — если это была Яра — вошёл через подошвы. Второй отозвался в зубах. На третьем Север коснулся молоточком бокового стержня, и единая дрожь рассыпалась на несколько слоёв.

Самый нижний был давлением рубежа. Над ним шёл ровный счёт приборов. Ещё выше дрожал страх людей рядом со мной: сбитое дыхание, шорох одежды, скрип пальцев по дереву.

А между ними стоял женский голос.

Не пел. Произносил слова, разделённые тишиной.

«Слышишь — не повторяй».

Я подняла один палец: продолжать.

«Слышишь — оставь промежуток».

Голос был ниже моего, с хрипотцой на концах фраз. Раньше я различала его только как чужую ноту в собственной партии. Теперь нота обрела дыхание. Я слышала, как женщина бережёт левый бок, как не добирает воздух после третьего слова, как привыкла отдавать приказ и заставляет себя не делать этого.

«Я — Яра».

Под языком кольнуло.

Я скрестила руки.

Север мгновенно зажал раму войлоком. Орина остановила часы. Вея развернула меня к свету и велела открыть рот.

— Чисто, — сказала она после осмотра. — Что услышала?

Я потянулась к доске, но пальцы дрожали. Орина подала свою.

«Слышишь — не повторяй. Слышишь — оставь промежуток. Я — Яра».

Когда Аним переписал фразу на общий лист, двор заговорил сразу. Одни требовали ответить. Другие — разобрать прибор, пока чужой голос не нашёл дорогу в головы. Рада заявила, что назвать имя может любой обманщик. Грета плакала и смеялась одновременно: она тоже услышала последние два слова.

Север дождался знака остановки, поднятого лодочницей Сарой у ворот.

— Сигнал не прошёл сквозь стену сам, — сказал он. — Мы открыли ему измерительный путь. Если разомкнуть поперечный камертон, речь прекратится.

— А если не размыкать? — спросил Аним.

— Сможем слушать короткими отрезками. Воздействие на Ладу уже заметно.

— Значит, слушать будет кто-нибудь другой, — сказала Рада.

По двору прошёл одобрительный гул. Так легко старое правило меняло имя: не ведущая, так другая; не обязанность, так необходимость.

Орина встала перед доской.

— Кто именно?

— Подготовленная певица.

— Которая согласна или которую назначат?

Рада сжала губы.

— Если мы не узнаем намерения другой стороны, рискует весь город.

Орина посмотрела на меня, но не попросила вмешаться. Она уже умела доводить вопрос до конца сама.

— Тогда город должен услышать цену и спросить добровольцев.

Добровольцев оказалось одиннадцать. Вея осмотрела каждого и отвела семерых: у двоих ещё не зажили связки после последней Песни, трое слышали чужой звук внутри собственной партии, один не мог спокойно отказаться, пока на него смотрела Рада, а Тиш просто не различал частот.

— Зато я надёжен в этом качестве, — сказал мельник.

Остались Грета, Орина, бывшая певица Сара и учительница Ная, никогда не входившая в хор. После проб Север выбрал Сару: её слух сохранял различия, но тело больше не пыталось превращать каждое колебание в ноту.

— Десять вдохов, — сказала Сара. — Потом решу, продолжать ли.

— Пять, — возразила Вея. — Решение принимают до вреда, а не после.

Сошлись на семи.

Яра ждала. Или повторяла сообщение, не зная, дошло ли оно. Когда Север снова открыл измерительный путь, её голос вернулся с середины фразы.

Сара слушала, закрыв глаза. На шестом вдохе подняла руку, но не скрестила её с другой.

— Ещё семь, — сказала она.

Орина снова перевернула часы.

Через два отрезка Сара отступила. Север заглушил раму.

— Она спрашивает, прекратили ли мы осадную Песню, — сказала Сара. — Говорит, что ночью впервые за тридцать один их день дети спали у восточных окон. Просит не петь до разговора.

Слово «осада» рассекло двор точнее любого крика.

Рада первой нашла голос:

— Мы никого не осаждаем. Песня держит рубеж.

— Для нас, — сказала Вея.

— Она защищает город от смещения.

— И что делает с их городом?

— Мы не знаем, существует ли он.

Сара медленно сняла с уха медное кольцо прибора.

— Существует женщина, которая считает дни без нашей Песни. Для начала этого достаточно.

Рада повернулась ко мне.

— Ты веришь ей?

Я написала: «Верю, что мы должны проверить».

— Не то. Веришь, что мы тридцать лет причиняли вред?

Я посмотрела на серебряный шов. С детства меня учили представлять за ним голодную пустоту, которая давит на наш мир. У пустоты не было окон. У неё не было детей, сна и женщины с больным левым боком. Называя другую сторону пустотой, мы избавляли себя от обязанности спрашивать, куда уходит сила нашего спасения.

На доске появилась первая строка: «Я держала Песню семнадцать лет».

Вторая: «Я не слышала ответа, потому что пела».

Третью я писала дольше всего: «Незнание объясняет прошлое. Оно не разрешает повторить его сегодня».

Аним прочёл вслух. Несколько певиц отвернулись. Грета села прямо на камни.

— Моя мать умерла, удерживая рубеж, — сказала она. — Если всё это время она...

— Нет, — перебила Вея. — Не заканчивай за неё фразу, которой мы пока не знаем. Её боль была настоящей. Защищённые ею люди — тоже. Сейчас мы проверяем не ценность её жизни, а действие способа.

Грета закрыла лицо. Орина села рядом, не касаясь её без разрешения.

Север разложил на столе три ленты: вчерашнюю Песню, ночную паузу и утренний ответ.

— При Песне давление с нашей стороны уходило в рубеж, но не исчезало. Вот отражённая линия. Мы считали её сопротивлением границы. Во время паузы обе линии снизи-

лись. Это согласуется со словами Яры, но не доказывает их полностью.

— Что докажет? — спросила Сара.

— Обмен измерениями. Мы создаём слабое воздействие известной величины, они сообщают результат. Потом наоборот. Все данные открыты двору. Ни голоса, ни слепки не используем.

— Ты уже придумал способ разговора? — спросила Орина.

— Только половину. Чтобы они поняли наши величины, нужен общий знак.

Я коснулась бумажной ленты с последовательностью три, два, один. Яра уже предложила знак: число ударов и промежутков. Не общая мелодия, в которой один вынужден подстроиться под другого. Ряд отдельных звуков, каждый из которых оставался собой.

Я написала: «Ответить измерением. Сначала спросить согласие».

— Как спросить без слов? — возразила Рада.

Орина взяла молоточек.

— Так же, как она велела оставить промежуток.

Север не отдал ей инструмент сразу.

— Участие в опыте можно прекратить в любой момент. Отражённый удар может вызвать боль. Петть нельзя. Если стрелка подойдёт к красному, я закрываю канал независимо от результата.

— Согласна.

— Не потому, что нужно доказать право на обучение?

Орина покраснела.

— Не потому.

— Не потому, что Лада смотрит?

Она обернулась ко мне. Я опустила глаза к своим ладоням.

— Я хочу узнать, что мы делали с другой стороной, — сказала Орина. — И хочу, чтобы это не решали без меня.

Север протянул ей молоточек.

Ответ составили из ударов и пауз. Один удар — слышим. Два — предлагаем опыт. Три — можно отказаться. Потом длинный промежуток, в котором другая сторона могла ничего не сделать.

Орина ударила один раз.

Рубеж ответил одним.

Она ударила дважды.

Ответа не было так долго, что люди начали шептаться. Рада сказала, что нас испытывают. Хранитель вернулся из Архива с тяжёлым футляром под плащом и остановился у двери, увидев толпу вокруг прибора.

Я заметила футляр. Он заметил мой взгляд.

И тогда из-за рубежа пришли три удара.

Можно отказаться.

Яра повторила наш знак, показывая, что поняла условие.

Потом ударила дважды.

Согласие.

Север выдохнул. Всего один раз, но я стояла достаточно близко, чтобы услышать. Он установил ограничитель, дал Орине слабый пробный удар и показал всем обе шкалы. Восточная поднялась на два деления. Отражённая — на пять.

Через паузу Яра сообщила результат пятью отдельными ударами.

Во дворе стало тихо.

Совпадение повторили ещё дважды с разной силой. Каждый раз другая сторона называла величину отражения прежде, чем Север показывал запись Аниму. Ошибка составляла не больше одного деления.

Наша Песня не гасила давление.

Она перебрасывала его через рубеж и возвращала усиленным.

— Это может быть свойством сегодняшнего разлома, — сказала Рада. Голос её осип. — Нельзя судить о прошлых годах по трём опытам.

Север кивнул.

— Нельзя. Поэтому нужны открытые измерения в разные часы и при разных состояниях рубежа.

— А до тех пор город останется без защиты?

Все посмотрели на стрелки. Обе держались далеко от красной черты.

— До тех пор, — сказала Сара, — мы не возобновим действие, которое другая сторона называет осадой.

— Ты не можешь решать за хор.

— И хор не может решать за город. Вчера мы это уже признали.

Хранитель прижал футляр к боку.

— Признали в испуге. На одну ночь.

Я подошла к нему и протянула руку.

— Что? — спросил он.

Я указала на футляр.

— Архивная пластина. Резерв на случай прорыва.

На крышке виднелась печать младшей партии.

Орина увидела её тоже.

— Чей там голос?

— Законный слепок состава.

— Имя.

Хранитель промолчал.

Орина сделала шаг к нему.

— Моей матери?

— Пластина принадлежит партии.

— Голос принадлежал человеку.

Он попятился к двери. Рада не заслонила ему путь, но и не потребовала отдать футляр. Вокруг них словно восстановилась старая невидимая стена: старшие знали больше, потому что несли ответственность; остальные должны были доверять, потому что не знали.

Я скрестила руки.

Остановка.

Сара закрыла ворота Архива и встала перед ними. Тиш

позвал ещё двух дозорных. Никто не коснулся хранителя. Никто не отнял футляр силой.

Аним открыл книгу решений.

— Предлагаю записать: до проверки происхождения ни одна пластина не используется. Хранилище опечатывается тремя ключами — от Архива, лечебницы и выборного дозора. Открытие только публично.

— Во время прорыва вы будете собирать собрание? — спросила Рада.

— Во время прорыва, — ответила Вея, — две красные стрелки дадут тревогу. До прорыва у нас есть время перестать путать тайну со скоростью.

Предложение приняли не единогласно. Но приняли.

Хранитель положил футляр на стол так бережно, будто внутри лежало живое горло. Возможно, для него так и было. Орина не прикоснулась к крышке. Только записала имя матери рядом с вопросительным знаком.

К полудню Яра снова заговорила через прибор. На этот раз слушали по очереди Сара и Ная, короткими отрезками, с осмотром Вей между ними. Из отдельных фраз собрали сообщение.

Их город назывался Аст. Там рубеж выглядел не серебряным швом, а тёмной стеной в воздухе. Во время нашей Песни стена двигалась на восток, отнимая у Аста улицы. Сначала исчезли сады, потом красильни, потом дом, где хранились колыбели. Люди не погибали — успевали уйти, — но

возвращаться было некуда. Их хор пел в ответ, толкая стену обратно. Каждая сторона считала, что защищается от наступления другой.

Тридцать один день назад Яра начала вставлять в свою партию паузы. Три дня назад услышала внутри нашей Песни моё имя. Прошлой ночью их хор тоже не вступил.

Последнюю фразу Ная повторила дважды, прежде чем позволила Аниму записать:

— Яра говорит: «Если ваша ведущая Лада слышит, скажите ей — я не враг по ту сторону. Я женщина под той же стеной».

Я не ответила голосом.

Не потому, что Вея запретила. К тому часу я уже могла произнести короткую фразу. Но любой мой звук, отправленный через прибор, стал бы первым ответом города — а город ещё не решал, имею ли я право говорить от его имени. И Яра просила оставить промежуток.

Я написала сообщение на отдельной дощечке:

«Я слышу. Я не буду отвечать за всех. До общего решения Песню не возобновляем. Предлагаем открытый обмен измерениями. Ты можешь отказаться».

Аним прочёл его двору. После спора убрали только слово «общего»: поселения за пределами стены ещё ничего не знали, и решение одного города не должно было стать их согласием. Потом каждый желающий отметил на полях, поддерживает ли отправку. Противники тоже поставили имена

и причины.

Север перевёл слова в последовательность ударов. Не все понятия удалось передать. Для «не отвечать за всех» потребовался знак: один удар, несколько разных ответов, снова один — и тишина вместо завершения. Яра попросила повторить. Потом прислала тот же рисунок обратно.

Поняла.

Под вечер Вея разрешила мне снять повязку.

— Одна фраза, — напомнила она. — Человеку рядом. Не миру.

Север собирал ленты у стены. Я подошла и подождала, пока он заметит меня. Он сразу отложил прибор.

— Болит?

Я покачала головой.

— Страшно?

Я кивнула.

Он не сказал, что всё будет хорошо. Не предложил принять страх за меня. Просто остался на расстоянии ладони — том самом, которое выбрал ночью.

Я могла потратить разрешённую фразу на благодарность. Могла спросить о машине или о следующем опыте. Вместо этого сказала то, что весь день различала под шумом спора:

— Я защищала нас, не зная, кого тесню.

Голос прозвучал хрипло, но принадлежал мне.

— Да, — ответил Север.

Это короткое согласие причинило боль и принесло облег-

чение. Он не оправдал меня добрыми намерениями. Не превратил семнадцать лет труда в вину, которую можно снять одним прощением. Оставил правду между нами такой, какой она была: недостаточной для приговора и достаточной для перемены.

У рубежа Орина отбила вечерний сигнал: один удар — слышим.

Из Аста ответили одним.

Между звуками лежала пауза. В ней никто не исчезал, не подчинялся и не становился продолжением чужой песни.

Впервые граница разделяла наши миры, не делая нас врагами.

Глава 7. Камертон тишины

Наутро город принёс во двор всё, что умел делать вместо доверия: замки, печати и людей с копьями.

Я увидела их из окна лечебницы. Двое дозорных стояли у ворот Архива, ещё четверо окружили раму Севера. Не угрожали, не касались инструмента, даже держали наконечники к земле. Но между каждым человеком и машиной оставалось ровно столько места, чтобы никто другой не мог подойти.

Север сидел на каменной ступени и точил деревянную рукоять молоточка. Медленно, будто утро ничем не отличалось от прочих. Только стружка падала слишком короткая: он снимал с дерева по волоску и всякий раз останавливал нож у большого пальца.

Вея встала у меня за спиной.

— Сегодня можно говорить, — сказала она. — Не петь. Не шептать. Шёпот хуже обычной речи: связки трутся, а тебе кажется, будто ты бережёшь их.

— Сколько слов?

Она прислушалась не к голосу, а к моему вдоху.

— Пока не начнёшь доказывать, что здорова.

Я надела плащ. Вея протянула мне полоску белой ткани.

— Это ещё зачем?

— Повяжешь на запястье. Увидишь кровь в мокроте — поднимешь руку и уйдёшь. Без обсуждений.

— А если в это время город решит конфисковать прибор?

— Тогда город узнает, что ты умеешь уходить даже в неподходящий для него момент.

Белая лента казалась нелепой рядом с медным знаком ведущей. Я всё же завязала её. Раньше знаком служил металл, тяжёлый, выданный советом, различимый издалека. Теперь моё право остановиться обозначал кусок ткани, который дала подруга. Он весил меньше, а значил больше.

Во дворе уже собрались певицы, дозорные, мастера с нижних улиц и несколько жителей, пришедших сверять утренние шкалы. После вчерашнего опыта возле рамы поставили две доски. На первой отмечали давление с нашей стороны, на второй — ответы Аста. Между ними Аним прибил чистую узкую доску для несовпадений.

На ней было больше записей, чем на остальных.

Яра сообщала пять делений — мы видели четыре. Мы посылали три — в Асте получали семь. Один опыт пришлось прервать из-за боли у слушательницы. Другой — потому что Яра дала знак отказа. Ни одна неудача не исчезла из журнала.

Рада стояла рядом с тремя членами совета. Среди них был Мирт Градский, ведавший стенами и вооружённым дозором, и Илва Речная, распределявшая воду между верхними и нижними кварталами. Третьего, сухого старика в сером вороте, я знала только как распорядителя печатей.

— Ведущая пришла, — сказал Мирт.

Не «Лада». И не «певица». Звание понадобилось ему

именно сейчас.

— Пришла слушать, — ответила я.

— Совет тоже. Инженер обещал показать полное действие устройства.

Я посмотрела на Севера.

— Обещал измерительный опыт при свидетелях, — уточнил он, поднимаясь. — Полного действия у устройства нет. Есть разные сборки.

— Значит, покажете разные.

— Нет.

Это слово Север произнёс без нажима. Дозорные разом посмотрели на него, словно ждали громкого неповиновения и не знали, что делать с тихим.

Мирт перевёл взгляд на Раду.

— Вы говорили, он согласен сотрудничать.

— Сотрудничать, — сказал Север, — не значит передавать способы вреда каждому, у кого есть печать.

Распорядитель печатей поджал губы.

Я подошла к раме. Вчера она казалась единым прибором, но за ночь Север изменил её. Вместо одного ряда серебряных язычков теперь было три. К каждому тянулась отдельная нить, а под шкалами появились деревянные рычажки. На рукоятях выжжены знаки: ухо, раскрытая ладонь и перечёркнутый круг.

— Что они делают? — спросила я.

— Первый ряд принимает общий звук. Второй ищет в нём

различимые партии. Третий создаёт промежуток между воздействиями, если они слиплись.

— Создаёт тишину?

— Нет. Тишину нельзя создать вместо другого человека. Можно ослабить связь между двумя звуками, чтобы они перестали тащить друг друга.

Орина, стоявшая возле досок, улыбнулась краем рта. Вчера она весь день повторяла младшим певицам: разделить — не значит выгнать.

— А перечёркнутый круг? — спросила Илва.

— Механический останов. Он размыкает все нити.

— Кто им управляет?

— Сейчас я. Во время опыта — ещё два выбранных наблюдателя.

Мирт усмехнулся.

— Значит, чужеземец оставляет за собой право заглушить защиту города.

— Я оставляю за любым участником право прекратить опыт.

— Не уходите от ответа.

— Я не уйду. Вы называете защитой действие, которое пока запрещено применять. Я называю опытом действие, на которое люди согласились при возможности остановки. У нас разные ответы, потому что вопросы разные.

В толпе зашептались. Я почувствовала, как во мне поднимается знакомый порыв: взять спор в свою партию, свести

разноголосицу к ясной ноте и закончить её. Певческий двор семнадцать лет ждал от меня именно этого.

Я заставила себя вдохнуть и не заговорила.

Аним поднял книгу решений.

— Вчера записано: прибор используется для открытых измерений. О передаче совету не голосовали.

— Совет не просит подарка, — сказала Рада. — Мы обязаны обеспечить сохранность устройства. Если с инженером что-нибудь случится, город останется без единственного способа слышать другую сторону.

— Поэтому вы окружили способ копьями? — спросила Вея.

Мирт повернулся к ней.

— Поэтому я выставил охрану.

— Охрана не пропустила к шкалам мою помощницу.

— На время совещания.

— Измерения не знают, что у вас совещание.

На восточной доске мелом отмечали показания каждые сто ударов сердца. Последняя строка пустовала. Дозорный, которому поручили запись, стоял по другую сторону копий и не решался попросить проход.

Я взяла мел и подошла к шкалам. Один из стражей шагнул в сторону, преграждая дорогу. Он был моложе Орины, с обветренными щеками и слишком большим панцирем. Я знала его мать, но не помнила имени сына.

— Приказ, — выговорил он.

— Чей?

Юноша оглянулся на Мирта.

— Охранять устройство.

— От записи показаний?

— Никого не пропускать.

Я не стала напоминать ему, кто я. Протянула мел.

— Тогда запиши сам.

Он посмотрел на шкалу, на доску, снова на меня.

— Я не обучен.

— Охранять то, чего не умеешь прочесть, опасно.

Север поднял раму за боковые скобы и понёс к свободной середине двора. Дозорные растерялись: приказ запрещал подпускать людей к прибору, но не говорил, может ли прибор приближаться к людям. Мирт велел поставить его обратно.

— Там закрыт обзор, — ответил Север. — Опыт будет открытым.

Он установил раму между двумя кругами, которые Орина начертила на камнях. В первом стояли четыре добровольца: Сара, Ная, певица Грета и кожевница Дина, никогда не певшая в хоре. Во втором расположились наблюдатели. Каждый держал по три дощечки: зелёную — продолжать, белую — пауза, чёрную — остановить.

— Мы не начнём, пока охрана перекрывает шкалы, — сказал Север.

Илва первой повернулась к Мирту.

— Уберите людей на два шага.

— Если прибор повредят, отвечать будете вы?

— Нет. Ответственность не становится разумнее, когда её перекладывают на одного человека. Но распоряжение о воде требует от меня не допускать паники в нижних кварталах. Сейчас горожане видят, что совет прячет измерения. Это уже причина для паники.

Мирт отвёл дозорных. Не далеко — на два шага, как она потребовала. Путь к шкалам открылся.

Север позвал юного стража и показал ему стрелки.

— Синяя — слышимый звук. Красная — давление на рубеж. Если красная поднимется сюда, показываешь чёрную дощечку и тянешь рычаг с кругом. Сможешь?

— А если вы велите не тянуть?

— Тогда особенно тяни.

Юноша впервые за утро выпрямился в своём большом панцире.

— Смогу.

— Имя?

— Ян Дольный.

Север повторил его имя, чтобы все услышали, кому доверен останов. Второй рычаг получила Вея. Третий он оставил возле круга добровольцев: до него могла дотянуться любая из четырёх.

Опыт начинался не с песни, а с выбора звука. Сара произнесла протяжное «а». Ная — «о». Дина провела костяной

гладилкой по полосе кожи, и та ответила сухим шорохом. Грета держала одну низкую ноту, едва слышную на краю двора.

По отдельности звуки не делали ничего. Когда Север соединил первые два ряда, серебряные язычки задрожали и красная стрелка поползла вверх.

Я слышала знакомое притяжение. Нота Греты искала остальные звуки, обещая им место внутри себя. Так начиналась любая Песня: различия ещё сохранялись, но уже знали, какой строй станет главным.

— Сейчас прибор не разделяет партии, — сказал Север. — Только показывает, как они связываются.

Он передвинул второй рычаг.

Три серебряных язычка повернулись каждый к своей нити. Голос Сары остался голосом Сары, округлое «о» Наи — отдельным звуком, шорох кожи больше не исчезал под нотой. Красная стрелка замерла.

Грета нахмурилась и стала петь громче.

Стрелка не двинулась.

Она добавила привычный нажим — тот самый, которым старшая партия собирала хор. Я ощутила его в зубах, в старом шраме под рёбрами, в желании немедленно выровнять дыхание соседки. Но Сара сбилась только на миг и вернулась к своему гласному. Ная не подстроилась вовсе. Дина продолжала вести гладилкой туда и обратно.

Четыре звука существовали рядом и не превращались в

один приказ.

Грета оборвала ноту.

— Будто дверь закрыли передо мной.

— Тебя не заглушило, — сказала Орина. — Мы все слышали.

— Но они перестали откликаться.

— Откликаться или подчиняться?

Грета резко повернулась к ней. В старом хоре такой вопрос означал вызов. Я приготовилась вмешаться, но Грета посмотрела на шкалу.

— Я не знаю, — призналась она.

Север разомкнул нити. Добровольцы подняли зелёные досочки: готовы продолжать. Только Сара выбрала белую.

— Мне нужна вода.

Ей дали воду. Никто не торопил.

— Теперь другое соединение, — сказал Север. — Я построю третий ряд так, чтобы отделить ведущую частоту от остальных. Это не остановит голос Греты. Но его воздействие на чужое дыхание ослабнет сильнее.

— Сильнее насколько? — спросил Аним.

— Этого мы и не знаем. Поэтому нижний предел, четыре наблюдателя и останов.

— Машина может отделить любой голос? — спросила Рада.

— Если частота и способ воздействия известны.

— Например, голос с той стороны?

— Например, мой, — сказала я.

Север посмотрел на меня. Я слышала, как меняется его дыхание, когда он сердится, но сейчас вдох остался ровным.

— Твой способ воздействия мне известен лучше, чем способ Яры, — ответил он. — Значит, твой отделить легче.

Во дворе будто стало просторнее и холоднее. Несколько певиц невольно отступили от рамы.

— Покажите, — потребовал Мирт.

— Нет, — сказала Вея одновременно с Севером.

Я коснулась белой ткани на запястье.

— Почему?

— Потому что тебе запрещено петь, — ответила Вея.

— Можно на обычной речи?

Север покачал головой.

— Обычная речь не создаёт нужной связи. Я могу отделить тембр, но это будет фокус, а не проверка действия.

— Значит, утверждение остаётся непроверенным, — сказал распорядитель печатей.

— До её восстановления — да.

— У города может не быть столько времени.

Мирт приблизился к раме. Ян Дольний сжал чёрную досочку, хотя опыт ещё не возобновили.

— Вы принесли устройство к нашей границе, — продолжил Мирт. — Подключили его к рубежу. Собрали сведения о голосах хора. Теперь заявляете, что можете отделить ведущую, но отказываетесь доказать это. Совет обязан рассмат-

ривать такую машину как оружие.

— Рассматривайте, — сказал Север.

— Оружие подлежит передаче дозору.

Двое стражей двинулись к раме.

Север не заслонил её телом. Он поднял обе руки и отступил. На миг мне показалось, что он сдаётся. Потом я увидела, как серебряные язычки обвисли: уходя, Север выдернул из нижнего паза тонкий медный штифт.

Мирт тоже заметил.

— Верните деталь.

— Нет.

— Без неё прибор работает?

— Только как рама с дорогим металлом.

— Значит, вы подтверждаете отказ исполнять решение совета.

— Решения не было, — напомнил Аним. — Было требование одного члена.

Рада смотрела не на Севера — на меня. Я знала этот взгляд. Совет привык, что ведущая превращает опасную неопределённость в обязанность. Если я прикажу Северу вернуть штифт, ответственность станет моей, а изъятие — будто бы частью защиты рубежа. Если поддержу его, совет назовёт это сговором двух специалистов против города.

Оба готовых выбора были написаны за меня.

— Зачем совету прибор? — спросила я.

Мирт ответил сразу:

— Чтобы обеспечить безопасность.

— Как именно?

— Изучить все его возможности, изготовить копию, обучить дозор.

— Для каких действий?

— Для тех, которые потребует обстановка.

— Это не ответ.

— Это предел сведений, которые можно обсуждать перед толпой.

— Тогда прибор нельзя передавать вам перед толпой.

По лицу Мирта прошла тень. Не гнев — скорее удивление, что привычный круг слов больше не замыкается.

Илва подняла руку.

— Я тоже член совета. Мне не сообщили ни о решении изъять машину, ни о порядке её изучения.

— Водный распорядитель не ведает обороной.

— Но последствия нового прорыва ударят по водоводам. Если устройство способно заглушать отдельные голоса, его можно направить и против людей в очереди у цистерн. Это уже моё ведение.

— Я не говорил «заглушать», — сказал Север.

— Вы сказали «отделять».

— Пока человек может прекратить связь сам, это разделение. Если кто-то решает за него и не даёт вернуть связь, получается подавление. Сборка почти та же. Правила — разные.

Во дворе стало так тихо, что со стороны рубежа донёлся один далёкий удар.

Слышите?

Орина посмотрела на часы, дождалась положенного промежутка и ударила в ответ один раз. Яра не пыталась вмешаться. Она только напоминала, что по ту сторону тоже есть слушающие.

— Значит, опасность в управлении, — сказала Рада.

— Опасность и в металле, и в настройке, и в управлении, — ответил Север. — Но металл без правила легче украсть, чем правило без людей.

— Красиво сказано, — бросил Мирт. — Пока правило принадлежит вам.

— Поэтому я предлагаю, чтобы оно не принадлежало мне.

Север положил медный штифт на раскрытую ладонь.

— Три части прибора будут храниться отдельно. Рама — здесь, под открытым навесом и круглосуточной записью показаний. Настроечные гребни — в лечебнице, потому что Вея отвечает за предел телесного вреда. Штифт останется у выборного наблюдателя, которого нельзя одновременно назначить членом совета, дозора, Архива или хора. Любая сборка — только после объявления цели, предела и способа остановки. Все чертежи открыты, кроме таблицы подавляющих частот. Её не будет ни у меня, ни у совета целиком.

— А где она будет? — спросил Аним.

— Разделена между людьми, которые не могут применить

её поодиночке.

Распорядитель печатей сухо рассмеялся.

— Вы предлагаете городу доверить безопасность толпе.

— Нет. Предлагаю городу не доверять её никому целиком.

Я смотрела на маленький штифт. Вся машина зависела от вещи, которую можно спрятать в рукаве. Так же Песня зависела от голоса ведущей, только мой голос нельзя было передать другому человеку перед совещанием. Нас учили считать это достоинством: живой ключ, наследуемая партия, единая ответственность. Теперь я видела обратную сторону. Если ключ один, мир вынужден либо доверять ему без остатка, либо владеть им.

Орина вышла в середину двора.

— Выборный наблюдатель должен быть сменяемым.

— Через какой срок? — спросил Аним, уже занося перо.

— Через семь дней. И его можно отозвать раньше, если за это выскажутся те, кто выбрал.

— Кто выбирает?

— Не только город. Поселения тоже пользуются рубежом.

Мирт развёл руками.

— Прекрасно. Пока гонцы объедут поселения, прибор будет лежать разобранным, а другая сторона сможет делать что угодно.

— Другая сторона сейчас ждёт нашего ответа, — сказала Сара. — Это больше, чем делал с ней наш хор.

— Ждёт, пока мы ослабнем.

— Или ждёт, потому что тоже боится.

— Стены не держат на предположениях.

— А мы держали, — сказала я. — Тридцать лет предполагали, что за рубежом пустота.

Голос царапнул горло. Вея подняла белую дощечку, хотя не стояла в круге опыта. Пауза.

Я замолчала, сделала два глотка воды и ждала, пока дыхание перестанет толкать слова наружу. Мирт хотел продолжить спор, но Илва остановила его.

— Белая дощечка действует и на ведущую, — сказала она. — Иначе вся демонстрация ничего не стоит.

Мы простояли молча десять вдохов. Я не исчезла. Совет не распался. Рубеж не прорвался.

Когда я опустила стакан, Аним прочёл черновик решения. Временного — до прибытия представителей поселений.

Рама оставалась во дворе. Гребни хранились у Веи в опечатанном ящике с прозрачной стенкой. Медный штифт на первые сутки передавался человеку, выбранному из присутствующих и не связанному службой с советом, хором, Архивом или дозором. Любое применение требовало трёх независимых согласий: отвечающего за здоровье, выборного наблюдателя и участника воздействия. Любой из них мог остановить опыт. Показания и сбои записывались публично. Изъятие прибора без нового открытого решения считалось нарушением принятого порядка.

— Это лишает совет возможности действовать быстро, —

сказал Мирт.

— Нет, — возразила Илва. — Это требует заранее называть, что именно мы собираемся сделать быстро.

Голосовали не как в хоре. Никто не задавал общей ноты. Люди подходили к трём корзинам: согласие, отказ, воздержание. Аним записывал не только число камешков, но и принадлежность голосующих к улицам и службам, чтобы верхний квартал не выдал себя за весь город.

Временной порядок приняли с перевесом всего в девять голосов.

Наблюдателем выбрали Дину. Она сначала отказалась.

— Я чиню упряжь, — сказала она. — Ничего не понимаю в границе.

— Поэтому и выбрали, — ответила Орина.

— Плохая причина. Незнание не делает меня честнее.

Север показал ей штифт.

— Нужно понимать только три действия: вставить, вынуть и никому не отдавать без записанной цели. Остальному обязаны научить до передачи.

— А если меня запугают?

— Скажешь сейчас, кого позвать.

Дина подумала и назвала двух кожевников, соседку с водной улицы и Сару. Не мужа, не главу цеха, не меня. Людей, которые, по её словам, умели не принимать решение вместо неё.

Только после этого она согласилась на сутки.

Север разобрал прибор при всех. Каждый гребень завернули отдельно, печать Вей поставили на узел, а не на металл: снять деталь незаметно было невозможно. Дина получила штифт в кожаном футляре собственной работы. Раму прикрепили к камню четырьмя простыми скобами — не чтобы её нельзя было унести, а чтобы всякая попытка потребовала времени и шума.

Дозорные отошли к воротам.

Мирт задержался возле меня.

— Когда стена раскроется, корзины её не остановят.

— Возможно.

— И тогда люди вспомнят, кто лишил город оружия.

— Мы не лишили. Мы отказались отдавать его одному владельцу.

— Вы говорите словами чужака.

Я посмотрела на Севера. Он объяснял Яну шкалу, не оглядываясь на нас.

— Нет. Его слова точнее моих в устройстве машины. Мои — точнее его в устройстве хора. Если они совпадают, это ещё не делает один голос чужой собственностью.

Мирт ушёл, не простившись.

К полудню опыт возобновили в прежнем составе. Грета больше не пыталась собирать остальные звуки. Она держала низкую ноту и слушала, как рядом существуют «а», «о» и сухой шелест кожи. Красная стрелка оставалась ниже первой отметки.

Потом Север ослабил разделение.

Сразу возникло притяжение. Не приказ, ещё нет. Скорее удобство: легче подстроиться под сильную ноту, чем удерживать свою. Сара первой поплыла вниз. Ная задержалась дольше. Дина не заметила, что рука стала двигаться в ритм дыхания Греты.

Орина подняла белую дощечку.

— Что услышала? — спросил Север после остановки.

— Не вред. Облегчение.

— Это тоже показание.

— Облегчение опасно?

— Нет. Но если за него платят отказом, которого человек не заметил, цену нужно показать.

Я вспомнила тысячи рассветов, когда хор входил в мою партию. Как исчезала дрожь, как дыхание становилось общим и потому будто бы безопасным. Мы не тащили друг друга силой каждый раз. Иногда люди сами отдавали различие, потому что единство снимало усталость.

Принуждение не всегда звучало как приказ. Иногда — как нота, возле которой слишком легко перестать трудиться собой.

С рубежа пришли два удара, пауза и три.

Яра предлагала новый опыт и напоминала о праве отказа.

Север не потянулся к раме. Теперь она была разобрана. Он посмотрел на Дину.

Дина вынула футляр, но не открыла.

— Цель?

— Узнать, различает ли их прибор отдельные партии так же, как наш.

— Предел?

Вея назвала давление и число вдохов слушательницы.

— Кто участвует?

Сара подняла зелёную дощечку.

Только тогда Дина раскрыла футляр.

Я наблюдала, как трое людей собирают машину, и впервые не испытывала желания поторопить их. По ту сторону Яра ждала. По эту — город учился объяснять действие прежде, чем получить возможность действовать.

Север встал рядом, но не коснулся меня.

— Ты знала, что совет попробует забрать прибор? — спросила я.

— Знал, что кто-нибудь попробует.

— Поэтому сделал штифт?

— Поэтому сделал его заметным. У каждой машины есть часть, без которой она не работает. Опасно, когда только мастер знает, какая.

— А таблица подавляющих частот? Ты правда разделил её?

Он помолчал.

— Пока нет.

— Значит, солгал?

— Предложил порядок, который обязан выполнить до

следующей полной сборки. Сейчас таблица у меня в памяти.

Я повернулась к нему.

— Это значит, что машина всё ещё принадлежит тебе.

— Да.

Он не оправдывался. Не обещал, что никогда не применит знание дурно. Только назвал положение, которое не исправлялось красивым правилом за одно утро.

— И что ты сделаешь?

— Запишу части так, чтобы каждая отдельно была бесполезна. Потом отдам людям, которых выберут не при мне.

— А полную таблицу?

— Уничтожу.

— Но она останется у тебя в голове.

— Некоторое время.

В его голосе впервые появилась усталость, не телесная — та, с которой человек признаёт предел собственного исправления.

— В Негласном городе нас учили помнить настройки, — продолжил он. — Считалось, что мастер должен восстановить прибор даже в плену. Я могу не записывать целое, могу отказаться собирать его, могу позволить другим остановить меня. Не могу приказать себе забыть.

— Значит, правило должно учитывать тебя, а не делать вид, что тебя нет.

— Да.

Дина вставила штифт. Рама отозвалась тремя чистыми

звуками, каждый на своей высоте. Ни один не поглотил остальные.

Яра повторила их с той стороны — не точно. Второй был ниже, третий длиннее. Прежде я бы назвала это ошибкой и потребовала строя. Теперь различие стало ответом: их машина слышала иначе.

Орина занесла несовпадение на среднюю доску.

Север смотрел на неё с таким вниманием, будто именно там, среди ошибок и расхождений, возникал первый надёжный язык.

— Когда моё горло восстановится, — сказала я, — мы проверим, может ли прибор отделить ведущую партию.

Он нахмурился.

— Только если это нужно не совету и не мне.

— Мне нужно знать, что будет с хором, если я остановлюсь.

— Это другой опыт.

— Да.

Я не просила его освободить меня. Он не обещал. Между нами лежала машина, способная превратить тишину в право или в оружие, и ни близость, ни доверие не делали выбор заранее безопасным.

Поэтому, когда он протянул руку к белой ленте на моём запястье, то остановился, не коснувшись.

— Можно?

Узел затянулся, и пальцы уже начали неметь. Я кивнула.

Север ослабил ткань одним осторожным движением. Потом сразу убрал руку.

У рубежа Сара слушала голос Яры. Дина держала ладонь на механическом останове. Вея следила за её дыханием, Ян — за красной стрелкой, Орина — за несовпадениями.

Никто из них не владел тишиной.

Вместе они не позволяли ей стать чужой собственностью.

Глава 8. Партитура без имён

Архив открывали тремя ключами, но ни один не принадлежал певице.

Первый носил распорядитель печатей, второй — старшая хранительница, третий висел на цепи у Мирта Градского как представителя совета. Я стояла перед медной дверью и думала о том, сколько рассветов отдала городу, не имея права войти туда, где хранилась история моего собственного голоса.

После вчерашнего голосования у ступеней собрались люди. Не толпа — свидетели. Аним записывал имена пришедших, улицу и причину присутствия. Вея поставила у стены складной стол с водой и белыми дощечками. Орина держалась возле меня, спрятав руки в рукава, будто боялась случайно коснуться опечатанной пластины матери.

Север не вошёл в круг перед дверью.

— Ты проверяешь устройство, — сказал Мирт. — Архив — внутреннее дело хора.

— Тогда я останусь снаружи.

Он произнёс это без вызова. Мирт, кажется, приготовился отбивать требование, которого не последовало, и оттого рассердился сильнее.

— Но измерения воздействия должны быть открыты, — продолжил Север. — Я поставлю шкалу у порога. Если внут-

ри начнётся связь, прибор покажет её силу. Читать документы я не буду.

— Удобное различие.

— Не удобное. Проверяемое.

Дина показала медный штифт, не вынимая его из кожного футляра.

— Цель сборки?

— Обнаружить магическое воздействие архивных пластин на тех, кто находится внутри, — ответил Север.

— Предел?

Вея назвала первую отметку красной шкалы и добавила:

— Любая боль в горле, чужая интонация, потеря счёта вдохов. Остановить может каждый вошедший и любой наблюдатель у двери.

— Участник?

Я подняла зелёную дощечку. Орина не шевельнулась.

— Я войду как свидетельница, — сказала она. — Не как участница опыта.

Дина кивнула, словно разница была такой же материальной, как штифт. Вчера мы учились называть цель машины. Сегодня — роль человека.

Только после этого ключи повернулись.

Дверь сопротивлялась не замкам, а воздухом. Из тёмного проёма пахнуло сухим металлом, пылью и горьким маслом, которым смазывали голосовые пластины. Я знала этот запах. Им пахли медные листы, с которых нас учили брать

старые партии. Никто не говорил, откуда листы приходили. Они просто уже лежали на пюпитре — ровные строки, чьи-то дыхательные отметки, ни одного имени.

Хранительница зажгла три лампы. Свет прошёл вдоль стеллажей и раздробился на тысячи тусклых бликов.

На каждой полке стояли узкие ящики. На каждом ящике — год, название поселения и партия: высокая, средняя, низкая, ведущая. Ни фамилий, ни пометок о возрасте. Людей здесь сортировали по звуку, как мастера сортируют струны.

— Нам нужны книги назначений, — сказала я.

Распорядитель печатей сжал связку ключей.

— Запрос совета разрешает осмотреть пластину последней ведущей из Берестяного Дола.

— Запрос жителей требует проверить, как голоса умерших попали в хор.

— Жители не управляют Архивом.

— Их дыхание управляется тем, что здесь хранится.

Снаружи кто-то повторил мои слова. Потом ещё несколько голосов, не вместе, с разными окончаниями. Они не складывались в песню, и потому распорядитель не мог обвинить их в незаконном созыве хора.

Илва, пришедшая от совета вместо Рады, положила на стол лист вчерашнего решения.

— Открытые измерения касаются источника воздействия. Если книги назначений показывают источник, они входят в проверку.

Мирт посмотрел на неё так, будто водные трубы окончательно забыли своё место.

— Вы толкуете решение шире, чем голосовали люди.

— Тогда вынесем книги к двери и спросим.

Он не согласился. Но и запретить не мог, не объявив, что три ключа существуют именно для запрета. Хранительница долго перебирала бирки и наконец достала из нижнего шкафа толстый том в серой коже.

Книга назначений оказалась тяжелее любой партитуры. Первые страницы хрустели от возраста. Столбцы были простыми: поселение, дом, партия, основание, срок службы, причина выбытия.

Имена тоже были.

Я увидела их и сначала испытала облегчение. Вот же они — женщины не исчезли, не стали безымянным металлом. Достаточно прочитать вслух, и несправедливость будто уменьшится.

Потом я прочла основания.

«По материнской линии».

«Взамен заболевшей сестры».

«В счёт водной повинности дома».

«Назначена после отказа старшей дочери».

«Возвращена в партию решением совета».

Сроки редко имели конец. В графе выбытия повторялись одни слова: немота, кровотечение, исчезновение за рубежом, смерть. Иногда — брак с жителем другого округа. Рядом

красными чернилами стояло: «голос сохранён».

— Что это значит? — спросила Орина.

Хранительница ответила не сразу.

— Партия записана на пластину и допущена к поддерживающему слою.

— Я спрашиваю, что значит «сохранён». Женщина согласилась?

— Тогда не применяли нынешнюю форму согласия.

— Какую применяли?

— Семейное подтверждение. Или решение мастера хора.

Орина вынула руки из рукавов. Ладони у неё были исцарапаны — всю ночь, должно быть, перебирала старые корзины в мастерской, лишь бы не думать о сегодняшнем дне.

— Моя мать подписала семейное подтверждение?

— Тебе лучше спросить опекуна.

— Она умерла. О каком опекуне речь?

Хранительница перевернула несколько страниц и остановилась. Я увидела строку раньше Орины.

«Ирена Ветвяная. Средняя партия. Назначена по материнской линии. Голос сохранён по праву хора».

Графа семейного подтверждения была пуста.

Орина не заплакала. Она наклонилась к странице так близко, словно могла разглядеть в волокнах бумаги спрятанное разрешение.

— «По праву хора» — это кто?

— Установленный порядок, — сказал распорядитель.

— У порядка есть рука? Она держала перо?

— Решение внесено правильно.

— Кем?

В строке подписи стоял знак, похожий на замкнутый круг. Не имя, а печать должности.

Я перелистнула назад. Тот же круг повторялся десятки раз, хотя чернила меняли цвет, а почерк — наклон. Ведущие приходили и умирали, хранители сменяли друг друга, но решение будто принимал один бессмертный человек: Хор.

— Покажите форму согласия, — сказала я.

— Её не было в этот период, — ответила хранительница.

— Тогда покажите более позднюю.

Следующий том был моложе меня. В нём появилась отдельная графа: «волеизъявление». Я стала читать сверху вниз.

«Принято».

«Принято».

«Принято».

— Где сами заявления?

Хранительница указала на ряд плоских коробов. В первом лежали листы одинакового размера. Текст был отпечатан заранее: певица подтверждала добровольное и бессрочное участие, передачу голоса после смерти и право мастера назначить преемницу из её дома. Внизу оставляли место для имени и знака.

На половине листов вместо подписи стояли два свидетель-

ских креста.

— Они не умели писать? — спросила Илва.

— Некоторые.

— А остальные?

— Были не в состоянии подписать лично.

Вея, остававшаяся у двери, услышала и шагнула через порог.

— Не в состоянии из-за чего?

— Болезнь. Последствия службы.

— То есть подтверждение передачи голоса брали у женщин, уже потерявших голос или сознание после хора?

— У их семей.

Вея поставила на стол белую дощечку.

— Остановка.

Никто не пел, прибор не показывал опасного давления, но мы всё равно замолчали. Остановка понадобилась не телу. Она не позволила распорядителю провести нас мимо смысла быстрыми объяснениями.

Вея перевернула песочные часы. Пока падал песок, мы смотрели на готовый текст согласия, в котором нельзя было выбрать срок, отказать в посмертной записи или исключить дочь. Внизу листа было свободное место для имени. Всё остальное уже решил Хор.

Когда последняя песчинка упала, снаружи спросили:

— Что вы нашли?

Илва вынесла один пустой бланк к двери и прочла его

вслух. После каждой строки Аним повторял, чтобы слышали дальние ряды. Люди не шумели. Только одна женщина спросила, можно ли было зачеркнуть условие о дочери.

— Исправленные формы считались недействительными, — сказала хранительница.

— Значит, это не согласие, — ответила женщина. — Это место, куда велели поставить имя.

Я вернулась к книгам назначений. Чем ближе записи подходили к нашим дням, тем аккуратнее становились слова. «Повинность» исчезла. Вместо неё писали «служение дома». «Возвращена решением совета» сменилось на «восстановлена после периода сомнений». Кровотечения стали «телесным исчерпанием». Но пустые подписи никуда не делись.

На последней странице стояло моё имя.

«Лада Межевая. Ведущая партия. Волеизъявление принято наставницей. Срок — до передачи строя».

— Я ничего не подписывала.

Распорядитель заглянул через плечо.

— Тебе было двенадцать. Подписала наставница.

— За бессрочную службу?

— До передачи строя следующей ведущей.

— Следующей нет.

— Это не вина Архива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.